

Рудольф фон РИББЕНТРОП

ЗАПРЕТНЫЕ
МЕМОАРЫ

МОЙ ОТЕЦ
Иоахим фон РИББЕНТРОП

«Никогда против России!»

Рудольф Риббентроп

**Мой отец Иоахим фон Риббентроп.
«Никогда против России!»**

«Яуза»

2015

УДК 82-94
ББК 63.3(4Гем)

Риббентроп Р.

Мой отец Иоахим фон Риббентроп. «Никогда против России!» /
Р. Риббентроп — «Яуза», 2015

ISBN 978-5-9955-0802-1

«Настоящее издание моей книги на русском языке я хочу посвятить русским солдатам, живым и мертвым, жертвовавшим жизнью за свою страну, что у всех народов и во все времена считалось высшим проявлением благородства!» Рудольф фон Риббентроп Автор этой книги был не только сыном министра иностранных дел Третьего Рейха, подписавшего знаменитый пакт Молотова – Риббентропа, – но и одним из лучших танковых асов Панцерваффе. Как и дети советского руководства, во время войны Рудольф фон Риббентроп не прятался в тылу – пять раз раненный на фронте, он заслужил Железный Крест I класса, Рыцарский Крест и Германский Крест в золоте, участвовал в контрударе на Харьков, ставшем последней победой Вермахта на Восточном фронте, в легендарном танковом сражении под Прохоровкой и контрнаступлении в Арденнах. Но эта книга – больше, чем фронтовые мемуары. Как сын своего отца, Рудольф фон Риббентроп имел доступ за кулисы Большой политики, был лично представлен фюреру и осведомлен о подоплеке ключевых событий – таких, как Мюнхенский сговор, пакт Молотова – Риббентропа, «роковое решение» Гитлера напасть на СССР и тайная роль США в разжигании Мировой войны. Он на собственном горьком опыте убедился, каково это – воевать на «бескрайних просторах России», как дорого обошлась немцам «фатальная недооценка российской военной мощи» и насколько прав был его дед, который перед смертью 1 января 1941 года повторял завет Бисмарка: «НИКОГДА ПРОТИВ РОССИИ!»

УДК 82-94
ББК 63.3(4Гем)

ISBN 978-5-9955-0802-1

© Риббентроп Р., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Пролог	7
Введение	11
Очевидец	15
Судьбоносные переговоры	20
Версаль и центральноевропейский вакуум власти	27
Дилемма	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Рудольф фон Риббентроп

Мой отец Иоахим фон Риббентроп.

«Никогда против России!»»

© Рудольф фон Риббентроп, 2015

© ООО «Яуза-пресс», 2015

* * *

Эта книга посвящена памяти моей матери, позволившей мне не по годам рано взглянуть за кулисы мировой истории; моей дорогой жене, с неисчерпаемым терпением сопровождавшей работу над ней, и моим отважным солдатам, живым и мертвым, командовать которыми во время войны мне выпала честь.

Настоящее издание моей книги на русском языке я хочу посвятить русским солдатам, живым и мертвым, жертвовавшим жизнью за свою страну, что у всех народов и во все времена считалось высшим проявлением благородства!

Пролог

После Арденнской операции мне поручили «освежить» танковый батальон, который я должен был, взамен погибшего командира, принять под свое начало – то есть, переводя с тогдашнего языка, заменить рядовой состав, оружие и материальную часть – на полигоне Фаллингбостель. Батальон понес тяжелые потери. Дивизию передислоцировали в Венгрию, ей предстояло принять участие в наступлении в районе озера Балатон. В результате я находился в подчинении у ведомства, размещавшегося на временных квартирах к востоку от Берлина. От него мне должна была поступить замена людей, вооружения и техники.

Так случилось, что по пути к месту службы вечером 2 февраля 1945 года я на своем «Кюбельвагене» (VW Тур 82) заехал к родителям в Берлин. Здесь меня кое-как устроили на ночлег: здание, примыкавшее к Министерству иностранных дел, где находилась официальная «резиденция рейхсминистра», являлось к тому времени в значительной степени разрушенным. Наутро я было уже собирался отъехать, как сообщили о «крупных соединениях бомбардировщиков на подлете к столице рейха». Временем я ограничен не был, поэтому решил остаться, чтобы составить собственное впечатление о пресловутых «террористических атаках» на гражданское население; на фронте в такой форме, форме ковровых бомбардировок, их едва ли случалось пережить. В тот момент я и не подозревал, что мне предстоит, хотя и в совершенно ином смысле!

Атака прилась по правительственному кварталу, грохот разрывов в непосредственной близости с очевидностью свидетельствовал об этом. Мой «Фольксваген» был припаркован у здания на Вильгельмштрассе. Как бы мне удалось попасть к своим в Фаллингбостеле, если бы он был уничтожен?! Поезда давно уже не ходили!

По окончании бомбардировки я смог убедиться воочию, что автомобиль каким-то чудом остался неповрежденным. Лишь тогда мой взгляд скользнул вдоль знакомой Вильгельмштрассе в направлении к рейхсканцелярии, стоявшей в нескольких сотнях метров на Вильгельмштрассе. Повсюду горело, проезжая часть была усеяна обломками. Появился отец, в форме, в фуражке, и предложил мне пройти с ним пешком до рейхсканцелярии. Похоже, ему представлялось важным, ввиду пожаров и разрушений, показать людям, постепенно выползающим из подвалов на свет божий, образец невозмутимости.

Не успели сделать и пары шагов, как перед нами возник, также в форме, японский посол генерал Осима, сердечно приветствовавший меня – мы были давно знакомы. С отцом они обменялись формальными заверениями: мы находимся в кризисе, но он, само собой разумеется, будет преодолен. Сюрреалистическая сцена, внезапно переменявшаяся: явно помешанная женщина с детской коляской вклинилась между господами, бесцеремонно растолкав их, что оба спокойно снесли. Дружески улыбаясь, как того требует обычай его страны ввиду тяжких катастроф, генерал распрощался.

Мне, как солдату, горящие и разрушенные города после пяти лет войны больше не были чем-то чуждым. Здесь, однако, и я это живо ощущал, наяву тонула в развалинах немецкая история. Еще детьми нам рассказывали, что в здании, перед которым мы с отцом стояли, находилась резиденция рейхспрезидента, в то время престарелого Гинденбурга.

Вильгельмштрассе, где Бисмарк определял немецкую политику, являлась таким же расхожим понятием, как и Даунинг-стрит, дом 10 в Лондоне, набережная д'Орсе в Париже, «Бальхаусплатц» в Вене, Белый дом в Вашингтоне или Кремль в Москве. Здесь творилась политика и, таким образом, «история». В то время я не мог знать, насколько полно история будет вытравлена из сознания немцев в последующие десятилетия, и не только благодаря разрушению исторических памятников.

По дороге отец внезапно спросил меня: «Что ты об этом думаешь? Геббельс предложил фюреру расторгнуть Женевскую конвенцию с тем аргументом, что войска, когда пленные и раненые лишатся защиты Красного Креста, будут и на западе сражаться упорней». Мне показалось, я ослышался. Вне себя, я заклинал отца «предотвратить этот вздор». Войска, несмотря на безнадежное неравенство в силах, всюду отважно сражались; в передовых частях нигде не замечалось признаков распада; было бы преступлением лишить солдат в этих условиях защиты Женевской конвенции. Кроме того, я могу со всей определенностью предсказать, что действие такой меры явится прямо противоположным тому, каким оно видится Геббельсу.

Войска поймут его как акт, продиктованный отчаянием, как амок – противник же будет драться еще ожесточенней, зная, что его ожидает в случае пленения. Негативный опыт так называемого «приказа о комиссарах» должен послужить достаточным предостережением¹. Отец согласился со мной полностью. Его настойчивое вмешательство в неприятном разговоре с Гитлером, состоявшемся в саду рейхсканцелярии, предотвратило отказ от обязательств по Женевской конвенции в отношении Запада². Советы же к ней и не присоединялись³.

Ведя такой разговор (я пребывал в сильном возбуждении), добрались до основательно поврежденного здания рейхсканцелярии, где нам встретился адъютант Гитлера Отто Гюнше. Тот самый Гюнше, который некоторое время спустя сожжет тела Гитлера и Евы Браун. Заверив, что «ничего не случилось и фюрер в добром здравии», Гюнше поинтересовался, «не желает ли господин рейхсминистр проследовать в бункер». Отец, подтвердив, предложил мне пойти с ним, от чего я, к его изумлению, отказался. Выразив жестом разочарование, он повернулся, отправившись следом за Гюнше.

Сегодня я уже не смогу с уверенностью сказать, что заставило меня тогда спонтанно отвергнуть приглашение отца сопровождать его к Гитлеру. Возможно, причиной был гнев: Гитлер задумывался над тем, чтобы расторгнуть Женевскую конвенцию – или же отказ был вызван инстинктивным предчувствием сокрушительного впечатления, которое придется пережить? Как бы то ни было, вместо того, чтобы последовать за отцом, я бесцельно поплелся по Вильгельмплатц в направлении отеля «Кайзерхоф», точнее, к руинам, оставшимся от него, странным образом отчужденно осматриваясь вокруг. Мысленно перенесся в прошлое. Почти что день в день двенадцать лет назад, 30 января 1933 года, держась за отцовскую руку, – мне было тогда одиннадцать лет – я вступил вечером на балкон над входом в отель, чтобы стать очевидцем факельного шествия: берлинские штурмовые отряды дефилировали перед Гитлером и Гинденбургом. Мать упростила отца взять меня с собой, вероятно, ей хотелось, чтобы я мог в будущем сказать: «И я был при этом». И я «был при этом», на сей счет не могло возникнуть сомнений. Удивительно было лишь, что 3 февраля 1945 года я все еще оставался «при этом» в живых.

Тогда, 30 января 1933 года, через всю площадь Вильгельмплатц можно было разглядеть Гитлера и Гинденбурга в окнах рейхсканцелярии, освещенных прожекторами, – теперь в том месте зияли лишь выжженные оконные проемы. Из колонн шествия доносились маршевые

---

¹ Здесь я должен, однако, констатировать, что мне в мою бытность на Восточном фронте не был известен ни один случай, когда бы взятого в плен политкомиссара расстреляли.

² Отец записал в заметке о состоявшемся разговоре: «Фюрер пришел в сильное возбуждение и оборвал меня на полуслове...»

³ Женевская конвенция об обращении с военнопленными была заключена в 1929 году. Германия, как и большинство европейских стран, подписала этот документ. Москва Конвенцию не подписала, однако ратифицировала заключенную одновременно конвенцию об обращении с ранеными и больными на войне. СССР продемонстрировал, что собирается действовать в рамках международного права. Таким образом, это означало, что СССР и Германия были связаны общими международно-правовыми нормами ведения войны, которые имели обязывающую силу для всех государств, независимо от того, присоединились они к соответствующим соглашениям или нет. Даже без всяких конвенций уничтожать военнопленных, как это делали гитлеровцы, было недопустимо. Согласие или отказ СССР ратифицировать Женевскую конвенцию положение не меняли – Германия обязана была выполнять требования Конвенции. – *Прим. редактора.*

песни, подхватываемые восторженной уличной толпой. Отец, как и другие господа на балконе, снимал шляпу, когда мимо проносили знамена, – в те времена общепринятое проявление почтения. Помню, среди присутствовавших находился и принц «Ауви», как его называли, Август-Вильгельм, брат наследного принца с типичной «физиономией Гогенцоллернов». В ту пору он занимал высокое положение в СА. Шахт и Кепплер поздравляли отца по поводу его личных заслуг в успешных, в конечном счете, переговорах, приведших к власти правительство Гитлера.

Место световых эффектов 30 января 1933 года теперь заступили пожары по всей округе, над ними угрюмое небо, повсюду запах гари, руины и разрушения – было ли это кошмарным сном? Щелчок каблуков вывел из раздумья. Солдат из караула рейхсканцелярии с безукоризненной выправкой пригласил меня пройти в бункер. Я последовал за ним к развалинам рейхсканцелярии и, войдя с пожарного входа, неожиданно оказался перед Гитлером.

Не дав мне возможности подобающим образом доложить, он, схватив обеими руками мою правую – типичный для Гитлера жест, принялся в похвальных выражениях распространяться о моей дивизии.

Я стоял, остолбенев, не в силах ответить ни слова – слишком разительна была картина физического упадка Гитлера! Что случилось с человеком, которого я 30 апреля 1939 и 1940 годов, в дни рождения отца, мог слушать и наблюдать в семейном кругу, сидя с ним за одним столом? Развалина, ужаснее которой нельзя было и вообразить! Лицо посеревшее, одутловатое; согнут так, что можно было подумать, у него горб; одна рука вцепилась в другую, унимая самопроизвольную дрожь; шаркающая походка! Лишь поразительно голубые глаза сохранили остатки прежнего блеска, что, однако, не могло сгладить общего впечатления глубокой дряхлости.

Его речь – мы пребывали с ним наедине – не способна была смягчить это ошеломляющее впечатление, напротив! В 1939 году он объяснял стратегию крупных танковых соединений, которая при известных условиях могла бы преодолеть позиционную войну Первой мировой. Его слог был ясен и убедителен. В 1940 году – под Нарвиком еще шли тяжелые бои – он разразился своими видениями гигантских мостов, связующих после войны Скандинавию с европейским материком. В связи с транспортными вопросами он тогда очень одобрительно отзывался о России, решившейся иметь собственную широкую железнодорожную колею, в то время как Европа попросту заимствовала британский стандарт. По окончании войны он переведет дороги на русскую колею. Не ощущалось ни малейшего следа идеологического антагонизма в отношении Советов.

Тогда, и очень впечатляюще, в нем говорила фантазия визионера – решающая кампания на Западе была еще впереди, так же и в Норвегии еще продолжали сражаться. Победа в Нарвике висела на волоске! В узком кругу, не делая секрета из предстоящего наступления на Западе, Гитлер сообщил, что в отношении англичан ошиблись, насчитав у них две лишние дивизии. Он, казалось, был преисполнен оптимизма.

Здесь, в бункере, 4 февраля 1945 года он заявил нам с отцом: «Теперь произойдет перелом: каждый день на фронт отправляется по новому полку». С реальностью это дилетантское высказывание не имело больше никакой связи. Гитлер продолжал: «Молодые маршалы, – были упомянуты Рендулич и Шернер, – действуя с необходимой твердостью, остановят отступление». Затем он уклонился в сторону, заговорив о Манштейне, которого характеризовал как «наилучшего оператора крупными контингентами войск», но не обладающего способностью стабилизировать «фронт, пришедший в расстройство». Для меня, вернувшегося с передовой, где нашим войскам вновь и вновь приходилось иметь дело с противником, обладавшим подавляющим превосходством, и лишь случайно оказавшегося в бункере, опять-таки зловещая сцена.

Мне показалось тогда, психика Гитлера находилась в таком же расстройстве, как и его физическое здоровье. Я посмотрел на отца, слушавшего с невозмутимым лицом. Мне было

известно, он пытался через консула Мельхаузена в Испании, несмотря на требование Рузвельтом «unconditional surrender» («безоговорочной капитуляции»), прозондировать, возможны ли переговоры с Западом в связи с изменившейся ситуацией. В этот момент появился сильно взволнованный президент рейхсбанка Вальтер Функ, в кратких словах сообщивший Гитлеру, что здание банка серьезно пострадало: «У нас больше нет денег!» Здесь вновь сказались актерские способности Гитлера. Убедительно и чуть ли не забавляясь, он успокоил Функа: деньги в настоящий момент не играют решающей роли.

Мы распрощались. Я был не в состоянии произнести ни слова: чересчур убийственным было впечатление этой четверти часа, проведенной с человеком, олицетворявшим для нас, солдат, нашу страну, на которого, мы верили, должны положиться несмотря на постоянно ухудшавшееся положение на фронте. Больше пяти лет мы, со все новыми тяжелыми потерями, сражались за Отечество, Германию, не за Гитлера. Гитлер являлся, однако, персонификацией нашей страны. В «победу» в обычном смысле мы давно уже не верили, нас питала надежда на равноправный мир. Вместо этого в утренние часы третьего февраля я с абсолютной отчетливостью осознал надвигающуюся катастрофу. Мысли кружились вокруг одного и того же: что я скажу своим солдатам в Фаллингбостеле? Где мне, двадцатитрехлетнему, после такого ужасного открытия, взять силы убеждать их продолжать борьбу? Когда бы хоть какой-то шанс для переговоров появился в будущем, то, без сомнения, определенный наличествующий военный потенциал принес бы в этой ситуации выгоду. В таком ключе нужно было убеждать войско. На Восточном фронте неизменным мотивом готовности солдат сражаться являлась воля защитить гражданское население от советских зверств. Этот настрой я также должен был внушить своим бойцам. Они следовали за мной до последнего дня войны.

Гитлер, однако, положение изменить не в состоянии; провидение – так он обычно именовал судьбу – не подарит ему чуда. «Миракль» Бранденбургской династии, как Фридрих Великий назвал смерть своего врага, царицы Елизаветы, даровавшую ему спасение в Семилетнюю войну, не повторится для Гитлера, несмотря на то, что его главный противник, Рузвельт, умрет пять недель спустя, 12 апреля 1945 года.

Покидая рейхсканцелярию, еще раз взглянул на руины отеля «Кайзерхоф» напротив. И снова увидел себя мальчишкой, стоящим на балконе. Перед мысленным взором пронеслось время от великих надежд, пробудившихся тогда в Германии, через невероятные успехи к катастрофе, с очевидностью различимой теперь. В отчаянии напрашивался вопрос: «Как могло до этого дойти?» Безжалостная судьба готовилась привести в исполнение свой приговор. И мне вновь довелось повстречаться с глазу на глаз со зловещим роком. Имя ему было «Гитлер».

Введение

Стремление разобраться в проклятом вопросе «Как могло до этого дойти?» побудило меня в конце концов взяться за перо, изложив на бумаге воспоминания, знания и впечатления 1933–1945 годов. Какие особенные обстоятельства легитимируют меня приняться за рассказ о времени, которое я, ребенком и молодым человеком в возрасте от одиннадцати до двадцати четырех лет, пережил – могу это смело утверждать – в прямом смысле на собственной шкуре, как непосредственный свидетель и участник? Период немецкой истории, известный как «Третий рейх», «тысячелетний рейх» или «гитлеровская Германия», стал травмой для немцев и потому сегодня в смысле объективного анализа, во всяком случае, внешней политики, табуирован. Моя легитимация должна раскрыться читателю через содержание этой книги. Take it or leave it! (Возьми ее или оставь!)

За почти семьдесят лет, истекших с момента немецкой катастрофы в 1945 году, предшествующие ей события, начиная с 1933 года, были обстоятельно изучены немецкой официальной историографией. В результате было установлено: Гитлер, так сказать, упал с неба (в смысле многократно цитированных «Golden Twenties» («золотых двадцатых» годов) на немецкий народ, подняв его на агрессию против миролюбивых соседей, и все это с единственной целью завоевания мирового господства. Немцы восторженно, не размышляя, последовали за ним, больше того, они с готовностью предоставили себя в качестве «угодливых исполнителей»⁴ для совершения преступлений. Это довольно примитивное клише лежит в основе высказываний немецких историков по должности и, к сожалению, большинства немецких политиков, о нашем прошлом. К этому я кое-что замечу, опираясь на свои сведения, зачастую полученные из первых рук.

Представить всеобъемлющую картину Третьего рейха в мои намерения не входит. И с тем, чтобы меня не поняли превратно, я прежде всего не собираюсь «реабилитировать» Гитлера. Политик, обладавший в такой степени неограниченной и неконтролируемой властью, какую присвоил себе Гитлер, ввиду катастрофы, постигшей немецкий народ в его правление, невиновным быть признан не может. Наша Германия, оставленная им в развалинах, до тех пор, пока можно будет говорить о немецкой истории, не снимет с Гитлера обвинения, поскольку он – кстати сказать, и в собственном понимании, – нес полную ответственность за все происходившее в его правление. Однако события, случившиеся во время правления Гитлера и давшие повод для тяжелейших обвинений в его адрес, ничего не меняют в той отчаянной внешне-неполитической ситуации, которую он застал, придя к власти, и с которой ему в его внешней политике неизбежно пришлось считаться. На такую дифференциацию нужно быть способным, если хочешь непредвзято проанализировать внешнюю политику Гитлера и его мотивы.

Меня в моем изложении интересует поэтому не столько персона Гитлера, сколько я хочу показать немецкую ситуацию и интересы, с которыми он столкнулся в момент прихода к власти и с которыми ему, как и всем немецким правительствам до и после него, неминуемо пришлось заниматься. Он не упал с неба, как и не являлся неизбежным продуктом немецкого национального характера. «Вихрь сошедшихся обстоятельств»⁵ вынес его к невиданной в немецкой истории полноте власти. Однако за совпавшие обстоятельства, «сделавшие» его, он ответственности не несет.

Здесь возникает проблема дифференциации: до какого момента внешняя политика Гитлера «неизбежно» определялась политическими отношениями, которые он застал, и с какого – в результате его собственнических решений был запрограммирован путь к катастрофе? Чтобы

---

⁴ Ср. Goldhagen, Daniel J.: *Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust*, Berlin 1996.

⁵ По выражению Ф. М. Достоевского в романе «Бесы».

ответить на этот вопрос, необходимо подвергнуть объективному анализу мировую политику по меньшей мере начиная с 1871 года. Формула «за Гитлером числятся преступления – отсюда он единственный виновник войны» хотя и является впечатляющей, отвечая человеческой потребности персонифицировать вину за катастрофу, однако она имеет мало общего с фактами. Так просто мировая история не идет. Антипатия и неприязнь к Гитлеру и его режиму понятны ввиду разрухи, которую он оставил; ее не извинит никакая историография. Гитлера надо осудить и, если хотите, предать анафеме, но, прошу покорно, обращаясь к верным аргументам! Действительного «преодоления» немецкой внешней политики 1933–1945 годов можно достичь, лишь взяв за исходный пункт геополитическую ситуацию Германии и представив «фигуру Гитлера» в политических, экономических, социальных и, не в последнюю очередь, духовных взаимосвязях девятнадцатого и двадцатого веков. Только на указанном пути можно предотвратить то, что она еще лет шестьдесят будет отбрасывать длинную тень на наш народ.

Благодаря особенной близости к деду Риббентропу, бывшему на редкость образованным человеком – в семье его называли «ходячей энциклопедией», – мне уже в десятилетнем возрасте постепенно открылась европейская политика с ее центральной проблемой – «германским вопросом». «Германский вопрос», в известном смысле не утративший своей актуальности поныне⁶, берет начало с момента провозглашения Германской империи в 1871 году, кардинальным образом изменившего соотношение сил в Европе. На месте двух, в определенной степени взаимно нейтрализовавших друг друга, немецких государств, Пруссии и Австрии, возникла новая конструкция, благодаря своей эффективности постепенно распространившая свое влияние на все сферы. «*Casca il mondo!*» («Мир рушится!») – воскликнул в 1866 году государственный секретарь Святого престола Джакомо Антонелли, узнав о победе Пруссии в войне с Австро-Венгрией. Провальная французская агрессия 1870–1871 годов завершила Немецкие объединительные войны и распад Старого Света в том виде, в котором он существовал со времени фактического расчленения Римской империи германской нации в результате Вестфальского мира 1648 года. Уже британский премьер-министр Дизраэли выразился в том смысле, что провозглашение Германской империи кардинально изменило политическую ситуацию в Европе.

Отныне европейская политика определялась в первую очередь пятью державами: Великобританией, Францией, Россией, Австро-Венгрией – и теперь еще – и Германским рейхом. Бисмарку принадлежит запечатлевающая формулировка: «В компании пятерых нужно постоянно заботиться о том, чтобы находиться втроем». Ему удался мастерский трюк: невзирая на противоречия между Австрией и Россией на Балканах установить с обеими странами договорные обязательства, с Австрией – подлинный союз, с Россией – знаменитый «договор перестраховки», призванный уберечь империю на востоке от войны на два фронта на тот случай, если бы Франция лелеяла планы реванша. С англичанами в то время не имелось, по сути, противоречий, хотя, как выразился как-то Бисмарк, «они не желают, чтобы мы их любили».

В правление кайзера Вильгельма II от этой концепции отказались. «Договор о перестраховке» с Россией продлен не был. Находившаяся в изоляции Россия – у нее имелись напряженные отношения с Англией в связи с русской экспансией в направлении Персидского залива и Индии – была, таким образом, вынуждена объединиться с Францией. Англия, традиционно относившаяся с недоверием к сильнейшей континентальной державе – тем временем таковой считалась Германия, – была озадачена кайзеровской «мировой политикой» и постройкой немецкого военного флота. За ней предполагались враждебные Англии мотивы, хотя военноморская стратегическая концепция, лежавшая в основе, этого не предусматривала, и флот строился вовсе не с намерением догнать британский. Экспансия немецкой экономики на Ближ-

---

⁶ Сошлюсь на статью Мориса Дрюона, постоянного секретаря Académie Française в Le Figaro за 30 августа 1999 года.

нем Востоке (Багдадская железная дорога) затрагивала британские интересы в чувствительной политической зоне, по которой пролегал «путь в Индию» (Суэцкий канал). Но и Россия также, в связи с интересом в отношении турецких проливов, была задета немецкой активностью. Дедушка вновь и вновь резко критиковал кайзеровскую внешнюю политику: вызов Англии – хотя и ненамеренный – с одной стороны, и отказ от «договора о перестраховке» с Россией – с другой. Заметит ли читатель параллель с ситуацией рейха, начиная с 1933 года, отчаянное положение между молотом и наковальней? В одной речи, произнесенной в рейхстаге в 1882 году, Бисмарк сформулировал: «... миллионы штыков направлены, главным образом, на центр Европы; мы находимся в центре Европы и уже по причине нашего географического положения, кроме того, в результате всей европейской истории, преимущественно обречены иметь дело с коалициями других держав». «Кошмар коалиций, – полагал Бисмарк, – надолго, возможно, навсегда, останется для немецкого министра обоснованным»⁷. Бывший французский посол в Бонне говорит об «определенном традиционном политическом образе мышления во Франции, неизменно имеющем в виду Москву, когда речь идет о Германии»⁸.

Политика кайзера и канцлера Бюлова исходила из наличия непримиримого противоречия между Англией и Россией. Бюлов рассчитывал на политику «свободы рук», позволяющую ему, как он полагал, в любой момент выбрать одну из опций – либо за Россию, либо за Англию, пока в один прекрасный момент (1907 год) сближение между Англией и Россией не поставило Германию между двух огней, приведя к ее окружению.

В 1905 году Германия располагала возможностью разорвать кольцо окружения, грозившее сомкнуться вокруг империи, превентивно разбив Францию. Россия проиграла войну с Японией, ее внешнеполитическая активность была парализована в результате революционных выступлений внутри страны. Уровень вооружения предоставлял империи шанс взять верх над Францией военным путем. В исторической фазе национальной державной политики в Европе подобные размышления, с целью своевременного предотвращения возможных в будущем опасностей, считались легитимными. Так, командующий английским флотом Фишер предлагал в то время нападение на Германию и потопление немецкого флота, что не явилось бы ни первым примером английского образа действий подобного рода – и ни последним⁹. Освободительный удар в 1905 году не состоялся – в результате, империя в 1914 должна была вступить в военные действия при значительно менее благоприятных условиях.

Решающей державой являлась Англия. Ревность в отношении немецкой конкуренции на мировых рынках сыграла пагубную роль. Достаточно вспомнить введение маркировки «Made in Germany» для немецких товаров в Британской империи! Оно, однако, явилось лишь одним из очередных симптомов возросшего значения Германии. Стародавний английский принцип составлять коалицию против сильнейшей континентальной державы с начала двадцатого века утвердился в качестве лейтмотива британской политики по отношению к Германской империи¹⁰. Эта политика осуществлялась Англией искусно и с успехом; ложная оценка тенденций развития мировой политики и неверные выводы, сделанные кайзеровским правительством, несомненно, сыграли на руку англичанам. Кайзеровская внешняя политика не обладала концепцией, позволявшей последовательно учитывать неизменно опасное центральное местоположение империи в Европе.

---

⁷ Цит. по: Haffner, Sebastian: Von Bismarck zu Hitler, München, 1989, S.61; и Gall, Lothar: Bismarck, Berlin, 1995, S.517.

⁸ Froment-Meurice, Henri: Vu Du Quai – Memoires 1945–1983, Paris, 1998, S.660.

⁹ Достаточно вспомнить нападение на французский флот у берегов Орана в 1940 году после окончания военных действий Французской кампании. Для обозначения подобных превентивных акций в мирное время существовало выражение «to Copenhagen», намекавшее на нападение британского флота на континентальные военно-морские силы Наполеона в 1807 году.

¹⁰ Cp. Ferguson, Niall: Der falsche Krieg. Der erste Weltkrieg und das 20. Jahrhundert, Stuttgart 1999.

Первая мировая война выявила неожиданную мощь Германской империи. Потребовались ресурсы едва ли не всего мира, чтобы ее в конце концов победить. Версальский договор должен был послужить тому, чтобы раз и навсегда уничтожить этот потенциал центрально-европейской державы. Положения договора способствовали возникновению вакуума власти в центре Европы. Можно было предвидеть, что он, как и любой другой вакуум, когда-нибудь будет тем или иным способом заполнен и, следовательно, не послужит утверждению прочного мира. Вместо этого в результате прогрессирующей консолидации и растущей военной мощи Советского государства возникла латентная угроза Европе. Однако тревога соседних государств по поводу потенциальной мощи Германии не исчезла, хотя в 1933 году ни о какой «мощи» рейха не могло идти и речи. Мы увидим, какие решения этой главной проблемы европейской политики предлагала – увы, тщетно – германская политика.

Очевидец

«Меня назначили госсекретарем, но я переиграл это на Лондон!» – такими словами отец встретил нас, мать и меня, в августе 1936 года на тихой окраинной улочке Байройта¹¹. В ту пору мне было пятнадцать лет. В этот полдень отца дважды вызывали к Гитлеру на виллу Ванфрид. Мать использовала предоставившийся случай, чтобы посетить со мной знаменитый «Эрмитаж». Отец обнял ее. Он еще находился под впечатлением своего решения – в этом нетрудно было убедиться, взглянув на его сияющее лицо. Мать, однако, инстинктивно поднесла руку ко рту – характерный для нее жест при известии о чем-то непредвиденном, внезапном или серьезном, когда ей не удавалось сразу оценить важность и последствия узнанного. С таким точно жестом три с половиной года назад, 30 января 1933 года, она вошла в комнату нашего дома в берлинском районе Далем – учительница музыки, фройляйн Мундинг, как раз и далеко не впервые пыталась объяснить мне, если перед нотой стоит «#», то надо играть не «фа», а «фа диез». Мать лишь произнесла тогда едва слышно: «Гитлер стал рейхсканцлером». В такой присущей ей своеобразной манере она выражала занимавший ее мысли вопрос: «Что из этого выйдет?» В тот момент она не могла и отдаленно догадываться, какой драмой и, в конечном итоге, трагедией отзовется этот день в судьбе ее мужа, тем самым и в ее собственной, да и в жизни всей семьи.

В январе 1933 года отец установил контакты от Гитлера к Гинденбургу и Папену. Он участвовал в решающей фазе переговоров, завершившихся формированием правительства Гитлера. Родители, как и многие немцы, в конце 1932 года стояли перед безальтернативным выбором: или Гитлер придет к власти, или коммунисты. Последнее означало бы, несомненно, не что иное, как господство русского большевизма сталинистского толка¹². Эта, тогда вполне реальная, опасность сегодня зачастую преуменьшается или вовсе обходится¹³. Отец, несмотря, как мы увидим, на живой интерес к вопросам внешней политики¹⁴, в ту пору вовсе не помышлял о том, чтобы оставить прибыльный бизнес ради активной политической деятельности.

Здесь, однако, на тихой, залитой солнцем улице Байройта спонтанная реакция выдала сомнения матери. Отец чувствовал ее опасения. По пути он подробно объяснил ей причины, побудившие его в ходе оживленной внешнеполитической дискуссии – поводом явилась просьба Франко о помощи самолетами для переброски войск из Марокко в Испанию – предложить «фюреру» направить его в качестве посла и преемника умершего Леопольда фон Хеша

---

¹¹ По поводу того, отправился ли он в Лондон по собственному желанию или был туда, вопреки его намерениям, послан Гитлером, «расплатившимся» с ним таким образом, в послевоенной мемуарной литературе бытовали гротескные утверждения, связанные, сверх того, с иными негативными предположениями о посольском времени. Отец в персональном отчете Гитлеру в 1937/ 38 году выразился: «...Когда я просил фюрера направить меня в Лондон...». Он вряд ли бы написал так Гитлеру, если бы хотел стать или остаться госсекретарем, а Гитлер отослал бы его в Лондон, как это утверждают Райнхард Шпици и Пауль Шмидт! (См.: Schmidt, Paul: Statist auf diplomatischer Bühne 1923–1945. Erlebnisse des Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas, Bonn 1949.) Шпици пишет в своей книге: «...Сразу по окончании Олимпиады, во время которой им организовывались дипломатические приемы, Риббентроп явился к Гитлеру, чтобы потребовать пост госсекретаря. Но Гитлер придерживался кандидатуры Нейрата. Риббентропу пришлось удовлетвориться посольским постом в Лондоне». (Reinhard Spitzu: So haben wir das Reich verspielt. Bekenntnisse eines Illegalen, München 1986, S. 95.) О назначении было, кстати, объявлено еще во время Олимпиады, не говоря уж о том, что перед опубликованием назначения послом требовалось запросить агреман. Когда таким образом клеветнически правда выворачивается наизнанку, как это лишний раз делает Шпици в приведенном высказывании, было бы неплохо на его месте сперва ознакомиться с общеизвестными фактами.

¹² См.: Striefler, Christian: Kampf um die Macht. Kommunisten und Nationalsozialisten am Ende der Weimarer Republik, Frankfurt/Main 1993.

¹³ В это время Красная Армия уже годами пребывала в готовности использовать политические осложнения для похода на Запад. см.: Musial, Bogdan: Kampfplatz Deutschland, Berlin 2008, S.389.

¹⁴ Во время Первой мировой войны отец, командированный в Турцию, писал оттуда статьи для в те времена очень известной газеты «Фоссише цайтунг».

в Лондон и, таким образом, пересмотреть уже состоявшееся назначение госсекретарем¹⁵. Отец растолковал со всей обстоятельностью: руководство рейха должно прояснить политику британского правительства в отношении Германии. Англичане мастерски применяют тактику камуфлирования своих действительных целей, вынуждающую потенциальных соперников ломать голову, строя догадки о будущем направлении их политики¹⁶. Фатальный сюрприз, вроде преподнесенного британцами в 1914 году кайзеровскому правительству, когда они объявили Германии войну и все в Берлине были совершенно огорошены, повториться не должен. Тогдашний немецкий рейхсканцлер фон Бетман-Гольвег признался отбывавшему на родину британскому послу, сэру Эдварду Гошену, что под тяжестью объявления войны Великобританией «вся его политика рушится, словно картонный домик»¹⁷.

Мы прохаживались взад-вперед по тихой улочке предместья одни, никто нас не сопровождал. Отец в моем присутствии всегда говорил с матерью совершенно открыто о самых тайных целевых установках германского правительства. Желая, очевидно, убедить жену в правильности принятого решения, он еще раз изложил основополагающую внешнеполитическую концепцию, которой Гитлер последовательно руководствовался с момента прихода к власти три с половиной года назад: создание относительно мощного центральноевропейского блока, противостоящего советской угрозе. Поддержка Англии и Франции должна была обеспечить тыл. Для меня в этом изложении не заключалось ничего принципиально нового. За три прошедших года я был во все большей степени посвящен в этом смысле, отсюда предложение отца Гитлеру представлялось мне логичным. Угроза со стороны СССР являлась, на взгляд Гитлера, крайне острой. Как раз в эти дни, летом 1936 года, он написал «Меморандум о четырехлетнем плане», где требовал, ввиду объема советских вооружений, немецкого ответа на милитаризацию советской экономики. Русское вооружение являлось неоспоримым фактом, послевоенное расширение сферы советского господства и конфронтация двух сверхдержав, США и Советского Союза, во времена «холодной войны» его убедительно доказали¹⁸. То, что Советский Союз в конце концов был вынужден отказаться от участия в технологически форсированной США гонке вооружений, не свидетельствует об обратном.

Мать тогда же изложила свои доводы против отцовского решения, вероятно, желая уяснить для себя самой шансы и риски такого шага. Они сводились в основном к трем пунктам. Политическая деятельность Иоахима фон Риббентропа, благодаря часто применявшемуся Гитлером методу, поощрявшему конкуренцию, осуществлялась до сих пор в стороне от Министерства иностранных дел. Отец и его «аппарат Риббентропа» организационно принадлежали к так называемому «связному штабу», возглавлявшемуся Рудольфом Гессом. Его задачей являлось поддержание связи между имперским руководством НСДАП в Мюнхене, то есть «партией», и имперскими министерствами. Вполне естественно, что между аппаратом Риббентропа и Министерством иностранных дел развернулось соперничество, иначе и быть не могло.

Не требовалось много фантазии, чтобы представить, что посол Риббентроп не найдет в «учреждении», как в просторечии именовалось Министерство иностранных дел, необходимой поддержки в работе. И вправду, отцу, в качестве главы дипломатической миссии в Лондоне, пришлось позднее, с тем чтобы получить требующуюся ему регулярную информацию, обращаться с жалобой к министру иностранных дел фон Нейрату. Насколько справедливы были опасения матери, выяснилось после войны благодаря откровениям Эриха Кордта.

---

¹⁵ На пост государственного секретаря Министерства иностранных дел, ставший вакантным по смерти занимавшего его Бернхарда Вильгельма фон Бюлова, также требовалось найти преемника.

¹⁶ См.: Eden, Anthony: *Memoirs – Facing The Dictators*, London 1962, S. 509. Интересна в этой связи также характеристика британской политики накануне Первой мировой войны у Ferguson, Niall: *Der falsche Krieg*.

¹⁷ Reventlow, Graf Ernst zu: *Deutschlands auswärtige Politik 1888–1914*, Berlin 1916 (1918), S. XVIII. см. также: Ferguson, Niall: там же.

¹⁸ См.: Musial, Bogdan: там же.

Назначенный связным между Министерством иностранных дел и «аппаратом Риббентропа», он был напутствован тогдашним госсекретарем фон Бюловом, возможные ошибки Риббентропа не исправлять, а предоставить тому свободу спокойно совершать их¹⁹. Но «ошибки» дипломата, кем бы он ни являлся, дорого обходятся стране, представляемой им, в данном случае они наносили ущерб Германии.

Мать придерживалась мнения, что отцу будет выгодней использовать подходящий момент для вхождения в министерство. Если он на самом деле желает в долговременной перспективе принять участие в определении гитлеровской внешней политики, ему просто необходимо познакомиться изнутри с инструментом ее осуществления, то есть Министерством иностранных дел. В качестве госсекретаря он несомненно приобрел бы наилучшую возможность узнать его структуру, квалификацию и ментальность немецких дипломатов.

Наиболее серьезные сомнения матери вызывали уже в то время виды на успех отцовской миссии. Проецируя в будущее сдержанную политику британского правительства за последние три с половиной года, то есть с 1933 года, в отношении немецких предложений, она была настроена скептически по поводу шансов вызвать продолжительное согласие политики Великобритании и Германии. В ее глазах отец взвалил на себя миссию, таящую опасность провала, если британцы «не пожелают, чтоб мы их любили». Он подверг себя риску быть обвиненным в ненаживании германо-британского соглашения, а к нему ведь должна быть готова и Англия. Мать, предчувствуя, вполне правильно видела риск. Отец, однако, держался мнения, что составить ясность в отношении британского курса имеет фундаментальное значение для политики рейха, всякие личные соображения должны в этом случае отступить.

Немецко-английский альянс не был идеей фикс Гитлера в смысле его «германских» причуд. Тесное немецко-английское сотрудничество на мировой арене являлось ключом к его внешней политике. В разговоре с отцом, пришедшим прощаться перед отъездом в Лондон, Гитлер произнес: «Риббентроп, принесите мне союз с Англией!»²⁰ – он был вполне убежден, что этот союз, к которому он так стремился, отвечает как британским интересам, то есть интересам сохранения Британской империи, так и интересам рейха иметь надежный тыл в противостоянии с нацеленным на мировую революцию Советским Союзом. Гитлер считал существование Британской империи в качестве блюстителя мирового порядка в высшей степени желательным для «белой расы»²¹, а значит, и Германии. Но решающей являлась точка зрения взаимного обеспечения тыла для отражения опасности с Востока, благодаря чему и Англия приобретала свободу сосредоточиться на своей империи и ее сохранении.

Необходимо уяснить себе и постоянно держать перед глазами: отправной точкой гитлеровской внешней политики являлась, пользуясь современным языком, «ориентация» рейха «на Запад». В разговорах в моем присутствии между отцом и дедом Риббентропом в годы, прошедшие после прихода Гитлера к власти, постоянно звучало отцовское: «Мы должны оптировать!» (то есть выбирать одну из опций). Хорошо помню эти разговоры, так как для меня, подростка, слова «оптировать», «опция» были, естественно, непривычны. Отец и дед полностью соглашались в том, что для Германии имелся лишь один выбор – в пользу Запада,

---

¹⁹ См.: Kordt, Erich: Nicht aus den Akten, Stuttgart 1950, S.70.

²⁰ Согласно неопубликованной записи Германа фон Раумера, Гитлер произнес: «Риббентроп, [...] принесите мне Англию и антикоминтерновский пакт; это было бы моим величайшим желанием [...]» Ср. Michalka, Wolfgang: Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik 1933-1940, München 1980, S.155.

²¹ Ср. речь Гитлера перед рейхстагом 28 апреля 1939 года: «[...] Это желание немецко-английской дружбы и сотрудничества смыкается не только с моими чувствами, возникающими из происхождения наших народов, но и с моим пониманием важности существования Британской империи в интересах всего человечества. Я никогда не дал повод сомневаться в том, что вижу в наличии этой империи неоценимое благо для человеческой культуры и экономики. [...] Англосаксонский народ проделал в мире без сомнения громадную колонизаторскую работу. К этой работе я отношусь с искренним восхищением. Мысль о разрушении этой работы казалась и кажется мне с высокой человеческой точки зрения лишь проявлением человеческого геростратизма». Domarus, Max: Hitler – Reden und Proklamationen 1932–1945, Band 2, S. 1158.

что, при существовавшем положении вещей, означало позиционирование против Советского Союза. Политика балансирования между Востоком и Западом являлась как для Гитлера, так и отца неприемлемой. Опыт кайзеровской политики накануне Первой мировой войны, эвфемистически названной тогдашним рейхсканцлером Бюловом «политикой свободных рук», отпугивал от соблазна занять двусмысленную позицию в попытке извлечь выгоду, сталкивая «Восток» и «Запад». Знаменитое британское «sitting on the fence» («сидеть на заборе»), то есть решать в зависимости от случая, как удобнее, в пользу той или другой стороны, мог себе, по мнению отца, позволить остров, обладающий сильным флотом, но не государство в геополитической ситуации Германского рейха в центре Европы. Над ним постоянно висела угроза оказаться, в конце концов, как это и случилось в 1914 году, меж двух огней или, выражаясь конкретнее, быть взятым в клещи сверхмощной коалицией противников.

Назначение Иоахима фон Риббентропа в Лондон являлось не чем иным, как очередной, широко задуманной попыткой Гитлера, несмотря на ряд разочарований в последние три с половиной года, все же осуществить внешнеполитическую программу, с которой он выступал с момента прихода к власти в 1933 году: соглашение с Англией, если возможно – в форме союза, ему он придавал мировое политическое значение. В то время Гитлер последовательно проводил «прозападную» политику! Эти преисполненные важности события мне, начиная с 1933 года, то есть с двенадцатилетнего возраста, довелось пережить в непосредственной близости к главным актерам. Назначение отца на пост в Лондоне в 1936 году имело для немецкой внешней политики того времени огромное, едва ли не «историческое» значение. Мне была дарована возможность узнать мотивы обоих главных действующих лиц с немецкой стороны, Гитлера и моего отца, частично из первых рук. Речь шла о сокровеннейших размышлениях о немецкой внешней политике. Я приобрел еще больше прав именоваться «очевидцем», хотя, замечу со всей скромностью, мой вклад в это ограничился скрытностью, на которую, родители верили, и я думаю, не зря, они могут положиться.

Знакомство с «большой политикой» началось для меня летом 1932 года. Мне было тогда одиннадцать лет. Мы, дети, росли в сильно политизированной атмосфере, хотя отец и не был еще вовлечен в активную политическую деятельность. Нужда и порожденная ею коммунистическая опасность являлись проблемами, не терпящими отлагательств. Мы – я и мои школьные товарищи, – несмотря на юный возраст, в то время интересовались политикой гораздо больше, чем сегодняшние подростки. Немецкая история, а с ней и современная ситуация Германии, сложившаяся под диктатом Версаля, присутствовали для нас повсюду – в школе, в юношеских организациях («Союзная молодежь») и, естественно, в семье. Внутренняя политика поначалу сконцентрировалась для меня, мальчишки, на вопросе, каким должен быть немецкий флаг – черно-бело-красным или черно-красно-золотистым. Мне было семь или восемь лет, когда мои дяди затеяли оживленный спор на эту тему в присутствии моей бабушки Хенкель, убежденной демократки. В шутку меня спросили, какие бы цвета я предпочел – я спонтанно выбрал черно-красно-золотистый. Естественно, дяди сразу пожелали узнать, почему я сделал такой выбор. «Поскольку кайзера сместили и у нас теперь республика, мы должны иметь и новый флаг», – гласил мой, довольно-таки изумивший родственников, ответ. Выразилось ли в этом мальчишеском взгляде странное немецкое обыкновение при смене внутривнутриполитической системы тотчас же перекраивать или даже целиком отправлять на свалку истории знамя, национальный гимн, формы одежды, названия городов и улиц и, не в последнюю очередь, учебники истории, а также прочие символы и признаки национальной идентичности?

Летом 1932 года мы с сестрой подцепили необычайно затяжную инфекцию, месяцами не поддававшуюся лечению. Воспаления горла, среднего уха, легких следовали одно за другим, не прекращаясь. Мать взяла на себя уход за нами. Между ней и мной вскоре установилось исключительно глубокое доверие. Позднее она будет предвирать свои сообщения словами: «Ты должен скорее дать себя четвертовать, чем разболтаешь то, что я тебе сейчас расскажу!»

Она сообщила мне, к примеру, о планах введения в одностороннем порядке всеобщей воинской повинности или, что содержало в себе не в пример больше взрывоопасного, о намерениях, также в одностороннем порядке, осуществить ремилитаризацию Рейнской области. Я превратился – мать не могла за это отвечать – в носителя государственной тайны и, тем самым, еще раз в «очевидца». Моим единственным вкладом в это доверительное отношение была уже упомянутая скрытность, на которую мать абсолютно полагалась. Я принял как должное недоумение друзей, несколько свысока удивлявшихся отсутствию у меня интереса к политике, – я никогда не высказывался о ней. Из осторожности я избегал любых разговоров на политические темы: опытный слушатель мог бы, чего доброго, уловить в моих словах какие-то намеки.

Судьбоносные переговоры

На это в моих воспоминаниях чудесное берлинское лето 1932 года пришелся момент, когда отец впервые оказался активно вовлечен в политику. В конфиденциальном порядке его пригласили к Гитлеру в Берхтесгаден. Мать рассказала мне, что, при посредничестве графа Хелльдорфа, фюрера берлинских СА, его побудили, встретившись с Гитлером в Берхтесгадене, предложить тому попытаться добиться канцлерства путем переговоров с Гинденбургом и Папеном. Вольф-Генрих фон Хелльдорф с моим отцом в Первую мировую войну были однополчанами по Торгауским гусарам. Хорошо помню его: грубый широкоплечий мужчина в коричневой форме с обаянием солдафона. Позднее он, из зависти к карьере отца, перестал бывать в нашем доме и в конце концов перешел в оппозицию к правительству, которое сам же и помогал привести к власти²².

Прекрасно помню рассказ матери об этой встрече у Гитлера, поскольку он явился первым разговором с ней о политике. По возвращении отца из Берхтесгадена она сообщила мне: Гитлер не согласился с его предложениями. Их представления о пути, который необходимо избрать для достижения Гитлером канцлерства, различались. Отец решительно отстаивал мнение, возможными партнерами по переговорам являются Папен и также, вероятно, сын Гинденбурга, Гитлер же верил, что добьется канцлерства через связь со Шлейхером. Их беседа продолжалась два часа. Позднее Гитлер скажет: «Риббентроп упрям, два часа я пытался втолковать ему, что формирование моего правительства возможно лишь через Шлейхера (Гитлер отцу: «Прусский генерал своего слова не нарушит»), чтобы в конце концов вновь услышать, нужно действовать через Папена и Гинденбурга». Достойный внимания дебют якобы «соглашателя» Риббентропа в обращении с Гитлером. В оставшиеся месяцы 1932 года, после этой безрезультатной беседы, какого-либо тесного контакта между ними поначалу не возникало²³.

В это же лето 1932 года коммунисты и национал-социалисты совместно организовали забастовку предприятий берлинского городского транспорта. Мать по этому поводу выразилась так: «Коль скоро нацисты снюхались с коммунистами, они для меня могут идти куда подальше!» Ее слова я осмыслил, присутствуя при состоявшейся несколько позже беседе отца с дедом Риббентропом. Речь шла о том, сохранит ли Гитлер, придя к власти, капиталистическую систему хозяйства. Разумеется, я понимал не все, но сама сцена до сих пор отчетливо стоит перед глазами. Напомню, в НСДАП в то время имелось сильное социалистическое течение. В разговоре с дедом отец высказал мнение: экономическая система останется при Гитлере, в принципе, «капиталистической». Имелось в виду, что собственность на средства производства останется за владельцами при одновременном праве государства на вмешательство в экономику, насколько оно явится необходимым. Он оказался прав, хотя в 1932 году исходить из этого с безусловной определенностью пока что не представлялось возможным.

В один прекрасный день в январе 1933 года у нас объявились к обеду два господина, еще до того, как сели за стол, ненадолго уведенные родителями в сад. Для нас в их приходе не было ничего необычного: хотя, в связи с экономическими затруднениями, практиковавшиеся родителями прежде светские контакты были несколько сокращены, все же немало гостей появлялось за нашим столом, часто даже днем, к «завтраку», как это тогда называлось в Берлине. Нам, однако, успело броситься в глаза, что тон и атмосфера общения между родителями и этими людьми были иными, нежели принятые во время приема друзей и гостей дома. За сто-

---

²² Ср. Harrison, Ted: «Alter Kämpfer» im Widerstand: Graf Helldorff, die NS-Bewegung und die Opposition gegen Hitler, «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 45, 1997/3, S. 385–423.

²³ По поводу привлечения Риббентропа к переговорам см.: Michalka, Wolfgang: а. а.О., S. 30ff, а также: Ribbentrop, Joachim von: Zwischen London und Moskau, Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen, Leoni 1953, S.36ff.

лом отсутствовала привычная легкость непринужденной беседы. Мы не догадывались тогда, что это посещение будет означать для всей нашей жизни. Судьба вошла в дом нашего детства неприметно, почти бесшумно.

Наши гости – это были Гиммлер и Кепплер²⁴ – являлись посланцами Гитлера. Им было поручено просить отца взять на себя посредничество в переговорах с Папеном и Оскаром фон Гинденбургом, сыном рейхспрезидента, о возможностях формирования правительства исходя из соображений, которые он в упомянутом выше разговоре безуспешно излагал Гитлеру.

Через несколько дней после визита господ Гиммлера и Кепплера мы, дети, во время ужина наблюдали, как отец, войдя в столовую, давал слуге распоряжения относительно приема людей, ожидавшихся им. Для нас это было необычным: никогда еще отец не занимался приготовлениями к какому-либо посещению или приему гостей. Благодаря отцовскому посредничеству, переговоры при участии Гитлера, Папена, сына Гинденбурга и других возобновились в его духе. По причине конфиденциальности они несколько раз проходили в нашем доме. Из соображений поддержания строжайшей тайны Гитлера провожали в дом с наступлением темноты через садовую калитку. Переговоры, в конечном итоге, привели к назначению Гитлера канцлером.

Родители запечатлели драматические события января 1933 года в ключевых словах. Я хочу здесь процитировать записи, поскольку в них между строк отражается независимая роль отца в рамках переговоров, а также потому, что эти обстоятельства неоднократно воспроизводились некорректно²⁵. Мать писала:

«Встречи в нашем доме держались в глубокой тайне, что являлось немаловажным для удачного исхода формирования правительства. Особенно отчетливо я помню совещание, состоявшееся в ночь с десятого на одиннадцатое января 1933 года, поскольку в этот вечер я впервые встретила с Адольфом Гитлером. Я приветствовала его в кабинете мужа, где он с глазу на глаз совещался с господином фон Папеном. Двенадцатого января мы ожидали Гитлера и Папена к обеду; Гитлер отказался; Папен явился один и выразил озабоченность в отношении выборов в Липпе. Ввиду ожидавшегося успеха НСДАП он опасался, что позиция Гитлера станет жестче.

На совещания господина фон Папена забирал наш старый шофер, он же и отвозил его обратно. Гитлер, напротив, имел привычку садиться и высаживаться на территории гаража, с тем чтобы незамеченным пройти в наш дом через сад. О ходе завещаний я диктовала со слов мужа ежедневные записи, в последние дни января муж продолжил их собственноручно. (...)

Я привожу эти записи ниже, в том виде, в котором они у меня имеются:

Вторник 10.1.33. Беседа с Гитлером и Папеном. Гитлер не желает больше никаких встреч с Папеном до исхода выборов в Липпе.

Воскресенье 15.1. Иоахим едет в Эйнхаузен. Долгое совещание с Гитлером наедине. Ночью возвращение в Берлин. Договоренность о совещании Папена с Гитлером либо вечером в понедельник у Шульце-Наумбурга, или во вторник в Галле.

Понедельник 16.1. Беседа не состоялась, поскольку Папен вечером у Лерснера.

Вторник 17.1. Папен в Галле, Гитлер в Веймаре. Встреча не состоится. Вечером Гитлер возвращается в Берлин.

Среда 18.1., 12 часов в Далеме: Гитлер, Рем, Гиммлер, Папен. Гитлер настаивает на канцлерстве. Папен вновь считает это невозможным. Его влияние на Гинденбурга переоценива-

---

²⁴ Вильгельм Кепплер (1882–1960) вступил в 1927 году в НСДАП и основал в 1931 году «Кружок Кепплера», позднее «Круг друзей рейхсфюрера СС». Стал в 1933 году членом рейхстага и комиссаром по вопросам экономики в рейхсканцелярии. С 1938 года был госсекретарем по особым поручениям в Министерстве иностранных дел.

²⁵ Иоахим Фест, к примеру, упоминает в своей известной биографии Гитлера только совещание 18 января 1933 года и, именуя его «прорывом» и помещая среди присутствовавших Оскара фон Гинденбурга, превратно передает его содержание. Ср.: Fest, Joachim: Hitler, Frankfurt/M. 1973, S. 500f.

ется – оно недостаточно, чтобы добиться этого. Гитлер не улавливается о дальнейших встречах. Иоахим делает пробное предложение свести Гитлера с сыном Гинденбурга.

Четверг 19.1. Долгие переговоры Иоахима с Папеном наедине.

Пятница 20.1. Вечером продолжительная беседа у Папена. Папен сообщает: сын Гинденбурга и Мейснер в воскресенье будут в Далеме.

Суббота 21.1. Иоахим сообщает Гитлеру о предстоящей встрече. Гитлер в ответ излагает причины, почему он не желает приглашать Шлейхера. Он захватит с собой Геринга и Эппа.

Воскресенье 22.1. Вечером в 10 часов встреча в Далеме. Папен приходит один уже в 9 часов. Присутствуют: Гитлер, Фрик, Геринг, Кернер, Мейснер, сын Гинденбурга, Папен и Иоахим. Гитлер говорит наедине с сыном Гинденбурга в течение двух часов. Затем обмен мнениями между Папеном и Гитлером. Папен отныне готов добиваться канцлерства для Гитлера, заявляет Гитлеру, однако, если тот не испытывает к нему доверия, он, не раздумывая, оставит это дело.

Понедельник 23.1. Папен утром у Гинденбурга. Тот все отклонил. Иоахим идет к Гитлеру, чтобы ему это объяснить. Продолжительный обмен мнениями по поводу возможности кабинета Шахта. Гитлер все отклоняет.

Вторник 24.1. Чай в Далеме: Фрик, Геринг, Папен, Иоахим. Принятие решения о национальном фронте для поддержки Папена у Гинденбурга.

Среда 25.1. Опять чай в Далеме: Иоахим говорит с сыном Гинденбурга наедине. Выясняется, что канцлерство Гитлера под auspiciis нового национального фронта не является совсем безнадежным делом. Сын Гинденбурга обещает Иоахиму еще раз переговорить с ним до получения окончательного ответа своего отца.

Четверг 26.1. Продолжительный обмен мнениями с Фриком и Герингом в рейхстаге. Переговоры с «дойчнационале». (Имеются в виду представители Немецкой национальной народной партии (НННП). – *Прим. перев.*) Вечером у принца Оскара в Потсдаме. Письмо Гугенбергу.

Пятница 27.1. Гитлер опять в Берлине. Продолжительный обмен мнениями с ним на квартире Геринга. Гитлер хочет сразу уехать. Иоахим предлагает объединение с Гугенбергом для создания национального фронта. Договоренность об очередной встрече со старым Гинденбургом. Гитлер заявляет: он фельдмаршалу все уже изложил и не знает, что он еще должен ему сказать. Иоахим переубеждает Гитлера, что необходимо попытаться напоследок – дело абсолютно не выглядит безнадежным. Иоахим предлагает Гитлеру как можно скорее создать национальный фронт и вечером в 10 часов встретиться в Далеме с Папеном для окончательного обмена мнениями. Гитлер соглашается действовать в этом смысле и вечером переговорить с Папеном на тему объединения с Гугенбергом. Затем следует долгая беседа с Герингом – обсуждается дальнейшая тактика. Во второй половине дня звонок Геринга, Иоахим должен срочно явиться в резиденцию рейхспрезидента. Там переговоры Гугенберга, Гитлера и Геринга (два имени неразборчиво) завершились форменным крахом по причине невозможных требований НННП. Гитлер, безмерно возмущенный этими переговорами, хочет немедленно уехать в Мюнхен. Геринг убеждает его пока что остаться здесь или по крайней мере не уезжать дальше Веймара. Постепенно Герингу и Иоахиму удается успокоить Гитлера. Однако недоверие Гитлера вновь разбужено. Ситуация крайне сомнительная. Гитлер заявляет, он не может встретиться вечером в Далеме с Папеном, т. к. он не в состоянии выразить себя.

В дальнейшем непосредственная диктовка отца²⁶:

«Я впервые видел Гитлера в таком состоянии; я предлагаю ему и Герингу вечером самому переговорить с Папеном, изложив создавшуюся ситуацию. Вечером я объясняюсь с Папеном, и мне удается в конце концов убедить его, что лишь канцлерство Гитлера, к достижению кото-

---

²⁶ Ribbentrop, Joachim von: a. a.O., S.40ff.

рого он должен приложить все усилия, имеет смысл. Папен говорит, дело с Гугенбергом играет второстепенную роль, и заявляет, что он отныне целиком за канцлерство Гитлера, – решающий поворотный пункт в позиции Папена. Папен осознает свою ответственность – три возможности: или президентский кабинет с последующей (неразборчиво) или возврат к марксизму при Шлейхере или отставка Гинденбурга. Против этого единственное, в самом деле ясное решение проблемы: канцлерство Гитлера. Папену теперь совершенно очевидно, отныне он при любых обстоятельствах должен добиться канцлерства Гитлера и не может, как прежде, верить в то, что стоит, на всякий случай, держать Гинденбурга в запасе. Этот вывод Папена является, на мой взгляд, поворотным пунктом всего вопроса. Встреча Папена с Гинденбургом заявлена на субботу, 10 утра.

Суббота, 28.1. Около одиннадцати я у Папена, встречающего меня вопросом: «Где Гитлер?» Я говорю, он, вероятно, уже уехал, возможно, его удастся еще застать в Веймаре. Папен заявляет, его нужно немедленно возвратить, поскольку наступил перелом и он, в результате долгого разговора с Гинденбургом, считает канцлерство Гитлера достижимым. Я без промедления направляюсь к Герингу и узнаю, Гитлер все еще в Кайзерхофе. Геринг звонит ему, Гитлер остается в Берлине. Затем возникает новое осложнение: прусский вопрос²⁷. Продолжительная беседа и спор с Герингом. Я заявляю ему, что немедленно откажусь, если еще раз возникнет недоверие в отношении Папена. Геринг уступает и, заявив о полном согласии со мной, обещает отныне попробовать с Гитлером все, чтобы привести дело к удачному завершению. Геринг хочет уговорить Гитлера решить прусский вопрос в смысле Папена. Я сразу еду с Герингом к Гитлеру. Долго говорил с Гитлером наедине и еще раз объяснил ему, что дело невозможно сделать при отсутствии доверия и что канцлерство не выглядит больше невозможным. Я попросил Гитлера, не откладывая, во второй половине дня пойти к Папену. Гитлер, однако, желает еще раз обдумать прусский вопрос и отправиться к Папену лишь утром в воскресенье. Это решение я передал Папену, вновь пришедшему в сильное беспокойство. Он произнес: «Я знаю пруссаков». Затем договорились о совещании Гитлер – Папен в воскресенье, 11 часов.

Воскресенье, 29.1. В районе одиннадцати часов продолжительный обмен мнениями между Гитлером и Папеном. Гитлер заявляет, что ему в общих чертах все ясно. Необходимо, однако, назначить новые выборы и принять закон о чрезвычайных полномочиях. Папен немедленно отправляется к Гинденбургу. Я завтракаю в Кайзерхофе с Гитлером. Обсуждается вопрос новых выборов. Поскольку Гинденбург не желает выборов, он просит меня сказать ему, что это будут последние выборы. Во второй половине дня мы с Герингом идем к Папену. Папен заявляет: препятствия устранены, Гинденбург ожидает Гитлера завтра в одиннадцать часов.

Понедельник, 30.1. Гитлер назначается канцлером.

Встреча 24 января явилась особенным поворотным пунктом: принятое тогда решение о создании Национального фронта послужило рычагом воздействия, способствовавшим в конечном итоге преодолению антипатии Гинденбурга по отношению к канцлерству Гитлера. Эту встречу с участием Гитлера, Папена, Геринга и моего отца можно по праву считать часом рождения «Третьего рейха».

К этому стоит добавить маленькую занятую историю: Геббельс написал книгу о, пользуясь тогдашним языком, «формировании правительства Гитлера» под названием «Из Кайзерхофа в рейхсканцелярию», в ней он якобы изложил подлинные события до 30 января 1933 года. Отца, чья роль из вышеприведенного очевидна, Геббельс, сам в дело не вовлеченный и о деталях не информированный, не упомянул ни единым словом. Это побудило отца во время обеда в Далеме с улыбкой заметить: «Одному я уже успел научиться, занимаясь политикой: фальсификацией истории начинают заниматься не по прошествии столетий, но уже в тот момент,

---

²⁷ Под «пруссаками» в этой связи понимаются представители консервативной Немецкой национальной народной партии (НННП).

когда она свершается!» Он и не подозревал, до какой степени эти слова будут когда-то верны по отношению к нему самому и его политической деятельности. В те времена, по крайней мере, в то время отец еще мог смеяться над подобными случаями и замешанными в них персонами! Для меня – я точно помню – отцовский вывод явился чем-то вроде небольшого откровения, подкрепившего растущее убеждение: абсолютной исторической правды нет. Это знание здорово помогло мне спокойно разобраться с прошлым и, прежде всего, судить о нем непредубежденно.

Понятно, что мать поначалу не рассказывала мне, одиннадцатилетнему мальчишке, ничего о происходящем. Ей пока не представлялся случай испытать мою скрытность. Вскоре это должно было измениться. Придя к власти, Гитлер обратился с просьбой к отцу в частном порядке прозондировать почву в Англии и Франции насчет немецко-английских / немецко-французских отношений и сообщить ему результаты. Отцовские отчеты направлялись непосредственно Гитлеру, ведь он действовал сперва целиком и полностью неофициально, выполняя личное поручение Гитлера. Свои отчеты он не мог диктовать секретарше в его фирме. Этим он нарушил бы все правила соблюдения секретности! Так и случилось, что однажды мать спросила меня, не мог бы я напечатать на машинке в высшей степени доверительное письмо, адресованное рейхсканцлеру. Мои современно мыслящие родители подарили мне – в то время семи- или восьмилетнему – на Рождество небольшую американскую дорожную пишущую машинку марки «Underwood». Они придерживались мнения, чем раньше я освоюсь с подобной техникой, тем лучше для меня. Мне было очень строго указано, речь идет о государственных тайнах – я не могу обмолвиться ни единым словечком о содержании письма. Так и пришлось мне неоднократно печатать отчеты доверительного характера. Часто, однако, отцу ничего не оставалось, как писать свои отчеты от руки!²⁸

Однажды мне пришлось печатать письмо, в котором, как помню, речь шла о неприятном столкновении между ним и Розенбергом. Розенберг возглавлял так называемый «Внешнеполитический отдел НСДАП». От матери я узнал подоплеку письма, которое печатал. Напряженные отношения питались ревностью, испытываемой Розенбергом к отцу как новому собеседнику Гитлера по вопросам внешней политики. Мое первое впечатление о том, что происходит за кулисами власти! Позднее отец сообщил – в то время еще посмеиваясь, – что они с Розенбергом, наконец, разграничили сферы компетенции. Когда он доложил об этом Гитлеру, тот едва ли пожелал принять сообщение к сведению. Отец рано понял тактику Гитлера ставить сразу на нескольких лошадей. Ему приходилось считаться с ней, коль скоро он хотел оказывать влияние на принятие решений по вопросам внешней политики. В этой связи, например, он предложил Гитлеру третьего апреля 1935 года переименовать «внешнеполитический отдел» НСДАП в «культурно-политический», благодаря переименованию, писал он, «было бы недвусмысленно подтверждено, что восточная программа Розенберга не имеет отношения к официальной внешней политике рейха». Интересный пример внутренних затруднений, с которыми сталкивалась немецкая внешняя политика в системе Гитлера. Излишне упоминать, что подобное предложение не способствовало налаживанию дружеских отношений с лицами, которых оно касалось, в данном случае с Розенбергом. Поскольку в условиях диктатуры любые публикации имеют, по меньшей мере, характер официоза, отец был вынужден прилагать усилия к тому, чтобы исключить факторы помех. В последующем я остановлюсь на гораздо более проблематичных рассуждениях Гитлера в «Майн кампф» о немецкой политике касательно Франции и, прежде всего, его высказываниях в отношении восточной политики.

Отныне мне чаще приходилось слышать материнское предупреждение: «Ты должен скорее дать себя четвертовать, чем...». Так было, когда она в начале 1935 года посчитала возможным рассказать мне, что Гитлер и отец обдумывают восстановление в одностороннем

---

²⁸ Подобные написанные от руки отчеты Гитлеру сохранились в архиве Гувера.

порядке суверенитета Германии в оборонной сфере, поскольку переговоры с Англией и Францией о практической реализации равноправия Германии в вопросах вооружения (которое правительству Папена было *de jure* уже обещано постановлением Женевской конференции по разоружению от 12 декабря 1932 года)²⁹ вот уже в течение длительного времени «не продвигаются». Или, когда в следующем, 1936 году она поставила меня в известность о планах в одностороннем порядке восстановить оборонный суверенитет в демилитаризованной Рейнской области. Она объяснила мне, почему считается, что нужно решиться на такой шаг, подробно обосновав мне необходимость восстановления полного суверенитета правительства на всей территории рейха. В глазах Гитлера и отца восстановление внутреннего суверенитета являлось предпосылкой возврата к неограниченной внешнеполитической свободе действий. Без такой свободы у рейха отсутствовала способность заключать союзы, в свою очередь, абсолютно необходимая для выхода из политической изоляции, в которой рейх все еще находился со времени окончания Первой мировой войны. Восстановление немецкого суверенитета в Рейнской области не будет рассматриваться британской общественностью в качестве повода прибегнуть в отношении рейха к военным мерам. Без британской поддержки, однако, Франция не направит свои войска, и Польша наверняка не решится действовать в одиночку. Мать, с другой стороны, не скрывала от меня большого риска, естественно сопутствующего этой акции, поскольку вооружение едва началось и в Рейнскую область могли быть направлены лишь очень слабые немецкие силы. Так сказать, в благодарность за оказанную мной небольшую помощь и, прежде всего, за мою скрытность, она упростила отца взять меня на заседание рейхстага в Кролль-опере, где Гитлер собирался объявить это решение.

Можно себе представить, в каком возбуждении я вступил в ложу для зрителей в зале Кролль-оперы, находившейся напротив старого, пострадавшего от пожара здания Рейхстага – теперь здесь проходили его заседания. Едва ли кто из присутствующих – парламентариев, дипломатов, сановников рейха и партийных бонз, среди которых я находился, – знал, по какому поводу их здесь собрали. Когда Гитлер объявил: правительство рейха постановило восстановить полный суверенитет рейха в демилитаризованной зоне Рейнской области, раздались, естественно, долгие бурные рукоплескания. Однако стоило ему продолжить: «...в этот момент, когда немецкие войска вступают в гарнизоны мирного времени в Рейнской области...», собрание, казалось, буквально взорвалось аплодисментами. Точка зрения погранного национального достоинства в связи с Версалем играла до войны немаловажную роль и, без сомнения, во многом способствовала успехам Гитлера на выборах. В величайшем напряжении я провел последующие дни. Дойдет ли дело до военных акций со стороны стран – гарантов Версальского договора?

Так я и жил, начиная с 1933 года, в «двух мирах». Один в отношении к другому являлся «идиллией». Моя «нормальная жизнь» в родительском доме, видящемся в воспоминании в такой же степени прекрасным, как и увлекательным, резко контрастировала с миром «большой политики», который, с легкой руки матери, все больше открывался для меня – «вершины», где принимались великие внешнеполитические решения, но также и «низменности» интриг и сомнительных человеческих мотивов. В разговорах между родителями, часто при участии деда Риббентропа и в моем присутствии в качестве молчаливого, но напряженно-внимательного слушателя, обсуждались самые тайные аспекты немецкой внешней политики. По сути, разговоры вращались все время вокруг желанного «довода в пользу Запада» в качестве основы немецкой внешней политики. Когда-то с течением времени стали звучать и вопросы, какие

---

²⁹ Это заявление было сделано США, Францией, Великобританией и Италией 11 декабря 1932 года в рамках проходившей там Конференции по разоружению. Ср. Scheil, Stefan: Fünf plus Zwei. Die europäischen Nationalstaaten, die Weltmächte und die vereinte Entfesselung des Zweiten Weltkriegs, Berlin 2003, S.166.

альтернативы имелись бы в распоряжении на тот случай, если поставленной цели, возможно, не удастся добиться.

Исключительная для моих лет страсть к истории и военной истории помогла мне понять немецкую внешнеполитическую концепцию и тот же «западный довод» из прошлого и с огромным интересом наблюдать развитие в 1933–1941 годах. Многим ли удастся, как мне, получить возможность, начиная с раннего юношеского возраста, наблюдать в непосредственной близости мировую политику в невероятно драматической фазе? Полагаю, что это дает мне право именовать себя очевидцем. Отсюда рождается обязанность запечатлеть мое знание о происшедшем в то время.

Версаль и центральноевропейский вакуум власти

В Первую мировую войну Германскую империю и ее союзников – Австро-Венгрию, Болгарию и Турцию – называли «центральными державами». Это являлось наглядным обозначением четырех государств, со всех сторон окруженных могущественным альянсом Антанты. Ситуация рейха в качестве европейской «центральной – по его географическому положению в центре Европы – державы» была в 1933 году еще более неблагоприятной, чем в 1914-м.

Центральноевропейская держава, Германская империя, с момента основания в 1871 году сталкивалась во все возрастающей мере с одной и той же дилеммой: никто не желал или не желает сильной, следовательно, потенциально «опасной» Германии! Опыт, который немцы, в связи с объединением Федеративной Республики и ГДР, смогли проделать еще раз. Не стоит закрывать глаза перед фактом, что как английское, так и французское правительства пытались, воздействуя на русское руководство, предотвратить объединение обоих немецких государств. Проблематика слишком – в глазах Англии и Франции – сильной Германии представляет по сегодняшний день скрытый, но далеко не маловажный аспект европейской политики³⁰. Даже будучи немцем, вполне можно понять эту озабоченность: любая политика обязана, заглядывая вперед, распознать возможные угрозы и считаться с ними. Французский писатель Мориак охарактеризовал Воссоединение забавно и, в то же время, едко следующей остротой: «Я настолько люблю Германию, что мне больше хотелось бы иметь их две, чем одну!»

С этой фундаментальной «дилеммой» пришлось столкнуться каждому правительству Германии начиная с Бисмарка. Известна его насмешливая реакция на расхваливаемые ему выгоды от приобретения африканских колоний: «Здесь Россия, там – Франция, а мы находимся посередине; вот моя карта Африки»³¹. Из осознания особенного положения рейха в Европе возникла, с одной стороны, необходимость поддержания значительной военной мощи, чтобы быть в состоянии утвердиться в Центральной Европе (новая «Тридцатилетняя война» между европейскими державами на немецкой территории должна быть предотвращена в интересах сохранения субстанции немецкого народа); момент, получивший особое значение в 1930-е годы в связи с экспансионистскими устремлениями советской власти. С другой стороны, требовалось учитывать желание связанных своими внешнеполитическими традициями правительств Англии и Франции и их союзников видеть Германию, из страха перед ее гегемонией, по возможности, слабой. В конечном счете, эта проблематика привела к Первой мировой войне, породила Версаль и встала вновь перед Гитлером и немецкой политикой в 1933 году. Ею приходится заниматься, в определенной степени, и правительству Федеративной Республики, хотя военный аспект, в отличие от экономического, к счастью, уже не присутствует. Консервативный французский политик Морис Кув де Мюрвиль заявил в 1966 году польскому министру иностранных дел Адаму Рапацкому: «Германия снова превратилась в проблему (...). Если бы не было Германии, у нас не имелось бы никаких проблем в Европе, это наша проблема, а также и Ваша»³². Генри Киссинджер попал в точку своей формулировкой:

«(...) Идея президента Клинтона о двух ведущих партнерах – Соединенных Штатах Америки и Германии не была слишком мудрой (...)

---

³⁰ См., к примеру, статью Мориса Дрюона, постоянного секретаря Французской академии в Le Figaro от 30 августа 1999 года, а также высказывания французского министра Шевенмана в эфире телестудии France 2: «По сути, она (Германия) все еще мечтает о Священной Римской империи германской нации и еще не оправилась от крушения, которым являлся в ее истории национал-социализм». Цит. по: «Die Welt» от 23 мая 2000 года; см. также: «Hitler-Vergleich: Mitterands Angst vor den Deutschen» в: «Die Welt» от 11 сентября 2009 года и «Wie Thatcher die deutsche Einheit verhindern wollte» в: «Die Welt» от 15 сентября 2009 года.

³¹ Scheil, Stefan: a. a.O., S. 118, Fußnote 26 – Willms, Johannes: Nationalismus ohne Nation, S. 495.

³² Froment-Meurice, H.: a. a.O., S. 289.

В самом деле, она созывает всех на баррикады, поскольку две мировые войны велись, в конечном счете, именно для того, чтобы предотвратить доминирующую роль Германии»³³.

Этот *circulus vitiosus* (порочный круг) можно было прорвать лишь с помощью тесного сотрудничества между Соединенным Королевством, Францией и Рейхом. Основное содержание деятельности отца в 1933–1937 годах сводилось к его налаживанию. Германская внешняя политика не достигла своей цели. Отсюда Гитлер, вполне осознававший угрозу, сделал понятный вывод, что большая коалиция против Германии, как и в 1914 году, вновь является вероятной.

Формулой британской политики в Европе с незапамятных времен являлось: поддержание «Balance of Power» (баланса сил) между европейскими государствами, или, выражаясь конкретней, Соединенное Королевство всегда должно было выступать в союзе со второй по силе континентальной державой против сильнейшей. Эта максима в течение столетий определяла британскую политику. Благодаря ей Британия смогла получить свободу действий для постройки империи и утверждения себя в качестве ведущей мировой державы. Как бы ни определялось направление британской политики – против Испании или Людовика XIV, против Австрии или против обоих Наполеонов и, наконец, против Германии Вильгельма, всегда можно было распознать этот принцип: блокирование или уничтожение сильнейшей континентальной державы с помощью второй по силе державы и других союзников. Черчилль изложил это с жесткой прямоотой уже в марте 1936 года комиссии по иностранным делам Консервативной партии³⁴. Выступая в Палате общин, он тогда заявил:

«... Речь не о том, Испания ли это или французская монархия, или французская империя, или Германская империя, или гитлеровский режим. Речь не идет о правителях или нациях, но лишь о том, кто является величайшим или потенциально доминирующим тираном. (...) Отсюда возникает вопрос, какая держава в Европе является сегодня сильнейшей...»³⁵.

Получится ли довести немецкий взгляд, то, как отец и Гитлер рассматривали баланс сил в Европе, до лиц, принимающих решения в Великобритании? Оба видели европейский баланс сил сохраненным даже в том случае, если рейх вновь станет мощной центральноевропейской державой, больше того, они полагали, что военная мощь рейха необходима в целях нейтрализации российской экспансии. Сам факт существования и влияние Советского Союза воспрепятствуют неконтролируемой гегемонии Германии. С немецкой стороны в 1936 году еще строились некоторые надежды, что эти идеи в отношении мировой политики встретят понимание также и в Лондоне.

Спустя несколько недель после назначения канцлером Гитлер нанес визит родителям в Далеме. Ему был дан обед в тесном кругу. Когда с едой было покончено, Гитлер, направив разговор на тему внешней политики, заметил, «его главной целью является наладить с Англией ясные отношения на постоянной основе». Отец пишет, вспоминая об этом первом своем разговоре с Гитлером о внешней политике:

«Это являлось общей внутренней установкой по отношению к Англии, заложившей в тот вечер первые семена доверия между Адольфом Гитлером и мной. Что отсюда однажды разо-

---

³³ «Welt am Sonntag» от 13 ноября 1994 года. Почти идентично выразился известный американский политолог Самуэль Хантингтон. Samuel Huntington: Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert, München 1996, S. 208. Само понятие «partnership in leadership» принадлежит, впрочем, Джорджу Бушу-старшему.

³⁴ Churchill, Winston: Memoiren – Der zweite Weltkrieg, Bd. I: Der Sturm zieht auf, Hamburg 1949, S. 258 f.

³⁵ Ср. Лорд Роберт Ванситарт 6 сентября 1940 года в инструкции британскому посланнику в Стокгольме: «[...], однако Германская империя и имперская идея вот уже в течение 75 лет являются проклятием мира [...] Враг – это Германский рейх и не только нацизм, и те, кто этого еще не понял, не поняли ничего [...]» Цит. по: Magenheimer, Heinz: Entscheidungskampf 1941. Sowjetische Kriegsvorbereitungen – Aufmarsch – Zusammenstoß, Bielefeld 2000, S.14.

вется тесное сотрудничество в области внешней политики, как это произошло в последующие годы, я в то время еще не догадывался»³⁶.

Теперь, в качестве посла «при дворе Сент-Джеймс», он имел задачу – несмотря на некоторые разочарования в истекшие с того времени три с половиной года – попытаться осуществить целевую установку Гитлера, являвшуюся также и его собственной.

Чтобы адекватно проанализировать и оценить внешнюю политику Гитлера, необходимо представить положение Германского рейха в начале 1933 года, то есть в первые месяцы его правления. Она во всех областях определяется Версальским договором. Так как страны-победительницы наотрез отказались даже от обсуждения каких-либо его модальностей, тогдашнее, используемое немцами, обозначение этого так называемого «мирного договора» как «версальский диктат» не является столь уж ложным. Полезно и поучительно взять исторический атлас, раскрыв его на политической карте Европы, какой она стала в результате заключения договора.

Германия серьезно пострадала от Версальского договора, среди прочего, в четырех отношениях:

1. Как уже было изложено, полное и одностороннее разоружение, а также раздел немецкой территории представляли собой в эпоху национальных государств чрезвычайную опасность для рейха.

2. Навязанные Германии так называемые «репарации» противоречили какой-либо здравой хозяйственной логике и должны были неизбежно привести к обнищанию немецкого народа, не говоря уже о глобальных экономических потрясениях, которым они, среди прочего, способствовали³⁷.

3. Территориальные потери составили приблизительно тринадцать процентов всей площади рейха с соответствующей утратой населения, инвестиций, ресурсов и т. д.

4. К этому добавились потеря германских активов за рубежом, выкачивание всевозможных хозяйственных ценностей вплоть до патентов, локомотивов, скота, интернационализация рек и т. д. Стоит прочесть до конца текст договора, чтобы ясно представить себе, что в отдельности скрывается за так называемым «Версальским мирным договором».

Следует в данном месте особо отметить, что защите так называемых «главных военных преступников» в Нюрнберге в 1946 году, то есть тоже и министра иностранных дел Германии, всякое упоминание о Версальском договоре было прямо запрещено³⁸. Обвинение предъявило сей договор чуть ли не как доказательство номер один и инкриминировало подсудимым нарушения его положений, не позволив защите привести обратные доказательства. «Суд не станет вас выслушивать, если Вы представите, что Версальский договор являлся незаконным или в каком-то отношении несправедливым», – заявил председательствующий судья!³⁹ Что некий постоянно громко заявляющий о себе современный немецкий историк выступил со сногсшибательным утверждением, будто бы то, что со странами-победительницами невозможно было обсуждать условия Версальского договора, объясняется лишь высокомерием министра иностранных дел Германии графа Брокдорфа-Ранцау, будет упомянуто здесь лишь в качестве забавной арабески духа времени в смысле «political correctness» («политической корректности»)⁴⁰.

Согласно вышеизложенному, было предсказуемо, что европейская политика на десятилетия вперед будет определяться через усилия немецкого правительства по пересмотру невыпол-

---

³⁶ Ср. Ribbentrop, J. v.: a. a. O., S. 45.

³⁷ Последний взнос репараций подлежал бы уплате в 1988 году.

³⁸ IMT, Band XVII, S. 597-602; см. также: Kranzbühler, Otto: Rückblick auf Nürnberg, Broschüre, Hamburg 1949, S. 21 f. Кранцбюлер являлся защитником гроссадмирала Деница на первом процессе в Нюрнберге.

³⁹ Протокол заседания 5 июля 1946 года, IMT, Band XVII, S. 598.

⁴⁰ Так в докладе профессора Ханса Моммзена, прочитанном в Ротари-клубе в Дюссельдорфе 28 января 1988 года. Это, кстати, ложно уже потому, что Сен-Жерменский и Трианонский мирные договора содержали во многом схожие положения.

нимых финансовых и военных условий Версальского договора. Насколько были обоснованы требования ревизии, доказывается хотя бы тем, что уже в 1932 году (11 декабря 1932 года) – таким образом, до Гитлера – равенство в сфере вооружения было официально обещано рейху. Кроме того, должна была быть подведена последняя черта под репарациями.

Версальский договор давно стал достоянием истории. Кстати, уже в самом начале ряд англосаксонских политиков и ученых подвергли его аргументированной и острой критике. Так, во время заключения Версальского договора известный английский экономист Джон Мейнард Кейнс, чьи мысли в отношении экономической и финансовой политики доныне актуальны, высказался следующим образом:

«Существует не так много исторических событий, в отношении которых потомство будет иметь еще меньше оснований для прощения. Война, ведшаяся якобы для защиты святости международных договоров, закончилась тем, что победоносные защитники этого идеала открыто нарушили один из самых священных договоров»⁴¹.

Кейнс в качестве члена британской делегации по ведению переговоров в Версале должен был знать, о чем говорит. Не в последнюю очередь он имел в виду нарушение обещаний, сделанных немецкому народу в обмен на «справедливый мир» в «14 пунктах» Вудро Вильсона в 1918 году; к ним, например, относилось «право народов на самоопределение».

Все же Германский рейх из доверия к «14 пунктам» президента США Вильсона сложил, после продолжительного обмена нотами с ним, оружие и, таким образом, отдался на милость победителей. Вильсон недвусмысленно заявлял, что принятие его условий откроет дорогу для мирных переговоров. В противном случае, и здесь впервые появился термин, обернувшийся впоследствии столь роковым, он добьется «безоговорочной капитуляции» Германии. Перед лицом таких перспектив правительство Германии подписало соглашение о перемирии в ожидании мира на основе переговоров. Оно было, как писал мой отец, «жестоко разочаровано».

Центр Европы, поделенный Германский рейх, был в полном объеме разоружен и, таким образом, принимая в расчет военную мощь его соседей, лишен власти. Армия, «рейхсвер», сокращалась до численности в 100 000 человек. Она не имела тяжелой артиллерии, танков, все известные к тому времени виды «тяжелых вооружений» были запрещены. Военно-воздушные силы были целиком и полностью запрещены. Военно-морские силы не должны были превышать 15 000 человек, на них налагались также и другие серьезные ограничения. Они не могли иметь ни крупных судов, ни подводных лодок, ни военно-морской авиации и так далее.

Западная граница империи была по Версальскому договору полностью демилитаризована. В зоне, чья граница пролегла в 50 км к востоку от Рейна, не имели права располагаться гарнизоны рейхсвера и другие военные объекты, не говоря уже об укреплениях. Стоит напомнить, что Рур уже в 1923 году был под надуманными предлогами оккупирован, так как не случилась поставка некой партии древесины. Английский дипломат Джон Брэдбери, оказавшийся в этом вопросе в меньшинстве среди бельгийских и французских коллег, говорил о наихудшем использовании древесины со времен постройки троянского коня⁴². Но даже в Восточной Пруссии, отделенной от рейха так называемым «польским коридором», были запрещены пограничные укрепления, благодаря чему эта провинция оставалась совершенно беззащитной от любого польского посягательства. Другими словами, в центре Европы существовал «доведенный до совершенства вакуум власти», что в условиях того времени представляло латентную

---

⁴¹ Keynes, John Maynard (Verf.) /Hauser, Dorothea (Hrsg.): Krieg und Frieden – Die wirtschaftlichen Folgen des Vertrages von Versailles, Berlin 2006, S. 93.

⁴² Цит. по: Vansittart, Robert: The Mist Procession. The Autobiography of Lord Vansittart, London 1958, S. 300; см. также: Paxton, Robert: Europe in the twentieth Century, San Diego 1985, S. 45; и Weber Eugen: Action Francaise – Royalism and Reaction in Twentieth Century France, Stanford University 1962, S. 121.

угрозу политической стабильности в Европе. Военный нажим Франции на рейх был в любое время возможен. Так же, как каждому Веймарскому правительству приходилось и после плебисцитов 1920 года считаться с польскими аппетитами в отношении имперских земель⁴³.

Посмотрим внимательно на политическую карту Европы 1933 года и представим себе соотношение военных сил, каким оно сложилось в начале 1930-х годов. Вывод может быть лишь один: военно-политическая ситуация рейха была отчаянной. Не только два важнейших промышленных района Германии, а именно Рурская область на западе и Верхнесилезский промышленный район на востоке, были, при невозможности их оборонять, беззащитны от посягательств Франции или Польши и Чехословакии; но и, сверх того, у рейха вовсе отсутствовали какие-либо средства сдерживания военных акций упомянутых государств.

Особенно весомой в этой – в прямом смысле – «бессильной» ситуации являлась изоляция рейха или, выражаясь точнее, изоляция рейха была неизбежным следствием его военного «бессилия». Отец цитировал слова Гитлера, произнесенные во время их первой беседы о внешней политике: «Германия снова должна стать сильной, иначе она никогда не приобретет друзей (...)».

За высказыванием Гитлера стоит описанная выше традиционная дилемма немецкой внешней политики. И не Гитлером она была создана, а обуславливается геополитическим положением Германии и ее заданным весом: с одной стороны, определенный силовой потенциал – это предпосылка для того, чтобы обладать «способностью к заключению союзов» и утвердиться в центре Европы, с другой стороны, озабоченность как раз этим потенциалом отпугивает искомых союзников. И здесь еще совершенно не освещена проблема, которую для политической стабильности и безопасности в Европе уже в начале 1930-х годов представлял Советский Союз, – все же мировая держава, находившаяся под господством исключительно агрессивной идеологии.

Французская политика жестко и чувствительно продемонстрировала рейху его слабость и изоляцию, грубо вмешавшись в 1931 году в планы рейхсканцлера Брюнинга и австрийского правительства по созданию, ввиду приближающегося мирового экономического кризиса, таможенного союза между обеими странами. Мне было десять лет, когда летом 1931 года один немецкий дипломат прожил несколько недель у нас в Далеме. По линии отцовской сестры он приходился нам родственником⁴⁴. Как раз на это время пришлось немецко-австрийские переговоры, за которыми мои родители заинтересованно следили, – родственник держал их в курсе происходящего. На мой вопрос к немецкому дипломату и родителям – после того, как от плана, из-за французского вмешательства, пришлось отказаться, – почему бы мы не могли заключить договор вопреки французскому возражению, мне было отвечено указанием на возможные репрессии, к примеру, новую оккупацию Рейнской области или Рурского района. Ее не смогли бы предотвратить. Уже в 1918 году в австрийскую конституцию был включен пункт о намерении стать составной частью Германского рейха⁴⁵. У нас, детей, союзническая оккупация Рейнской области спустя десятилетие с лишком после окончания войны была еще вполне свежа в памяти. В Висбадене на каждом углу попадались униформированные представители оккупационных властей; также и в доме у бабушки с дедушкой квартировали французы. Когда правительство рейха, чтобы положить конец нескончаемым уличным схваткам между коммунистами, Рейхсбаннером и СА, задумало создать так называемую «вспомога-

---

⁴³ См.: высказывания шефа Главного командования армии, барона Курта фон Хамерштайн-Экворда от 27 февраля 1932 года, цит. по: Meink, Gerhard: Hitler und die deutsche Aufrüstung 1933-1937, Wiesbaden 1959, S. 195, Anm. 88.

⁴⁴ Имеется в виду Ганс Генрих Дикхофф, позднее немецкий посол в США (1937–1938).

⁴⁵ Национальное собрание Австро-Венгрии (Германской Австрии) провозгласило 12 ноября 1918 года Австрию составной частью Республики Германия. 12 марта 1919 года вновь последовало заявление о присоединении. В статье 88 Сен-Жерменского мирного договора был установлен запрет аншлюса без согласия Совета Лиги наций. Источник: <http://aeiou.icm.tugraz.at/aeiou.encyclop.a/a586894.htm>

тельную полицию», французское правительство выступило с протестом. Перед прессой, сообщил за обедом возмущенный отец, французский посол обосновал свой демарш заявлением: «Если ребенок играет с огнем, ему его нужно выбить из рук!»

Еще один взгляд на политическую карту Центральной Европы в границах 1933 года: абсолютно разоруженный рейх был окружен хорошо вооруженными, взаимно связанными договорами государствами, которые под руководством Франции могли серьезно ограничить свободу действий имперского правительства, в случае надобности вынуждая приемлемые для них решения путем военного нажима. Созданная Францией система пактов охватывала Бельгию, Польшу, Чехословакию и Югославию. Эти государства частично имели виды на территорию рейха или относились к нему враждебно по самым различным причинам – не в последнюю очередь, из-за его привлекательности для проживавших в них и исчислявшихся миллионами представителей немецких «меньшинств».

В то время как государства так называемой «Малой Антанты», наименование было призвано пояснить различие с «Большой Антантой» – франко-британским альянсом – обладали значительным арсеналом вооружений, Великобритания, хотя и сократила численность вооруженных сил, поддерживала их, однако, по тому времени на высоком качественном уровне. Нужно отчетливо представить себе внешнеполитическую ситуацию Германии, которую застал Гитлер, придя к власти. С этой уже самой по себе в высшей степени опасной, то есть крайне слабой, позицией рейха пришлось столкнуться еще веймарским правительствам.

Однако Гитлер, помимо актуальной угрозы Германии со стороны «Малой Антанты», видел еще и вековую угрозу не только рейху, но и всей Европе, в росте могущества Советского Союза. Вряд ли можно утверждать, что она была надуманной. В советском руководстве давно уже строились планы «взять за горло» государства на западной границе Союза⁴⁶. Потенциал для этого постоянно рос. Позднее, после Второй мировой войны, только благодаря участию США в НАТО, иными словами, благодаря американскому ядерному потенциалу, была сохранена независимость Западной Европы и предотвращена советская гегемония со всеми вытекающими последствиями.

С учетом Советского Союза соотношение сил в Европе выглядело следующим образом: в центре Европы существовал абсолютный вакуум власти. Франция, окопавшись за линией Мажино, пристально наблюдала за бессильным «Германским рейхом». Государства Восточной Европы, обладавшие, как Польша и Чехословакия, некоторым весом, смотрели враждебно, если не с вождедением на пустоту власти в Центральной Европе. США решительно удалились во внешнеполитическую изоляцию. Предвыборная пропаганда Рузвельта в 1932 году была целиком построена на невмешательстве в Европе. Однако уже в 1933 году он, признав Советский Союз, сделал шаг, повлиявший также и на европейскую политику. Все американские правительства перед ним наотрез отказывались от этого.

Для Гитлера возникал вопрос, кто, собственно, мог бы остановить «русский паровой каток», если бы Сталину однажды пришла в голову мысль привести его в движение. Так называемые «буферные государства» – Польша, Чехословакия и Румыния – для этого не годились. Понятие «русский паровой каток» возникло, кстати, в начале мировой войны 1914–1918 годов в качестве впечатляющей картинки для иллюстрации количественно подавляющего военного потенциала огромной русской империи⁴⁷.

Сознающий свою ответственность руководитель немецкого правительства, кем бы он ни являлся, обязан был считаться с возможностью, что Советская Россия при определенных обстоятельствах не отступит от намерения, в соответствующем случае – силой, распространить

---

⁴⁶ Ср. рассказ о соответствующих заседаниях Политбюро в начале 1930-х годов у Musial, Bogdan: а. а.О.

⁴⁷ Büchmann, Georg: Geflügelte Worte, München 2001, S. 416 приписывает авторство крылатого выражения военному корреспонденту «Таймс», полковнику Чарльзу Репингтону («Times» от 13 августа 1914 года).

свою власть на Европу. «Вакуум власти» в Центральной Европе, возникший по причине полного разоружения единственного государства, которое могло бы противостоять Советскому Союзу, эту политику экспансии прямо-таки поощрял, оставалось лишь выбрать подходящий момент. Стоит подумать о требованиях Молотова, выдвинутых Гитлеру и его министру иностранных дел при посещении Берлина в ноябре 1940 года, когда рейх все-таки находился в апогее власти. Они распространялись на Дарданеллы, Балканы и, не стоит забывать, также на Датские проливы, то есть Зунд и Бельт. И да не останется в этой связи неупомянутым: в обоих важнейших европейских государствах – Франции и Германии – основались сильные, агрессивные коммунистические партии, управлявшиеся Коминтерном из Москвы. Советская Россия начертала на своих знаменах «мировую революцию», что, рассуждая в рамках реальной политики, подчеркивало претензию Москвы на мировое господство. «Кто владеет Берлином, тот владеет и Европой!» – гласило известное высказывание Ленина!

Ввиду существовавшего соотношения сил и его опасностей постановка вопроса о вооружении была предопределена теперь также для правительства Гитлера. Либо с помощью Женевской конференции по разоружению достигалось всеобщее разоружение – либо немецкое вооружение являлось насущной необходимостью, о его объеме Гитлер намеревался договориться с Великобританией и Францией.

Здесь следует указать, что разоружение Германии должно было, как буквально явствует из текста Версальского договора, создать предпосылки для всеобщего разоружения. Так, в части пятой договора сформулировано:

«С целью сделать возможной подготовку к общему ограничению вооружения всех наций, Германия обязуется строго соблюдать установленные ниже положения – военные, морские и воздушные»⁴⁸.

Однако страны – гаранты Версальского договора обязательства по разоружению, «деловой основы» договорного пункта о вооружениях, не выполнили. В дальнейшем заявлялось среди прочего:

«(...) эти условия представляют (...) одновременно первый шаг в направлении всеобщего сдерживания и ограничения вооружений, которое указанные державы стремятся осуществить в качестве одного из лучших средств предотвращения войн и добиться которого будет относиться к первостепенным обязанностям Лиги Наций»⁴⁹.

18 мая 1926 года впервые собралась Подготовительная комиссия конференции по разоружению. Немецкий представитель, Иоганн Генрих граф фон Бернсторф, объяснил делегатам:

«Союзники навязали рейху армию в 100 000 человек. Мирный договор, устав Лиги Наций и ныне также заключительные документы конференции в Локарно признают, однако, единогласно, что немецкое разоружение должно открыть дорогу к всеобщему разоружению. Достичь его можно лишь тремя путями: или вы сокращаете ваши вооружения до уровня дозволенного Германии; или вы разрешаете Германии сравняться с вами по уровню вооружений; или же вы, связав и то, и другое, сокращаете ваши собственные вооружения (...)»⁵⁰.

Министр иностранных дел в кабинете Гитлера, Нейрат, занимавший этот пост и в правительствах до Гитлера, в то время сформулировал очень удачно:

«Германия в вопросе разоружения является по-прежнему кредитором»⁵¹.

---

⁴⁸ Цит. по: Uhle-Wettler, Franz: Das Versailler Diktat, Kiel 1999, S. 155. [русский перевод взят из: *Ключников Ю. В.*, проф., *Сабанин Андрей*: Версаль, Изд-во Литгиздата Н. К. И. Д., Москва 1925, стр.63]

⁴⁹ Deutsche Liga für Völkerbund: Das Ultimatum der Entente – Vollständiger Text der Mantelnote und der Antwort auf die deutschen Gegenvorschläge, Berlin 1919, S. 28.

⁵⁰ Цит. по: Benoist-Méchin, Jacques: Jahre der Zwietracht 1919-1925. Geschichte der deutschen Militärmacht 1918-1946, Oldenburg 1965, S. 354.

⁵¹ Meinck, G.: a. a. O., S. 36 и 199, Anm. 70, Schwendemann, Karl: Abrüstung und Sicherheit, Band II, S. 454.

Не только политически, но и юридически нельзя отрицать право рейха на военный паритет, по существу – как ранее упоминалось, – его признание было сделано правительству Папена еще в декабре 1932 года; оно следовало, впрочем, уже из Устава Лиги Наций, обязывавшего каждого члена в статье 8 содержать лишь тот минимум вооружения, который являлся необходимым для обеспечения национальной безопасности⁵². Вопрос о способе, каким достигалось равенство, – разоружение государств, обладавших высоким военным потенциалом, довооружение разоруженных государств или же комбинация обоих способов, – требовалось решить путем переговоров. Не случайно первая официальная должность отца носила название «особый уполномоченный по вопросам разоружения».

Решение «вопроса вооружения» – какой бы смысл здесь ни вкладывался – имело жизненно важное значение для рейха с двоякой точки зрения. С одной стороны, оно должно было вернуть правительству рейха свободу действий и, таким образом, способность заключать союзы, с другой – послужить образованию противовеса, в глазах Гитлера и отца – «европейского противовеса», экспансии Советского Союза. Вполне можно было бы говорить в этой связи о европейской концепции. В дальнейшем я опишу усилия, предпринимавшиеся немецкой стороной с 1933 по 1936 год, с тем чтобы достичь соглашений с Англией и Францией по данному вопросу.

Рейхсверминистр Вернер фон Бломберг поручил в марте 1933 составить докладную записку о военном положении рейха⁵³. Глава войскового управления рейхсвера генерал-лейтенант Вильгельм Адам, выполнявший поручение, должен был выяснить, какими возможностями для обороны располагает рейх в случае одновременного нападения Франции и Польши, возможно, с участием Чехословакии⁵⁴. Адам приходит в докладе к следующим результатам:

«Помешать Франции вести, как ей заблагорассудится, войну на немецкой земле не представляется возможным.

Защита линии Одера против Польши возможна до тех пор, пока не будут израсходованы боеприпасы. Имеющегося в наличии запаса хватит на 14 дней. (...)

Даже одна лишь оборона на Одере против Польши с вступлением в войну Чехословакии ставится под сомнение. (...)

В этой связи представляет интерес упоминание о проблемах, с которыми сталкивался немецкий рейхсканцлер Брюнинг в 1931 году. Польша угрожала выступлением против Силезии, Померании и Восточной Пруссии⁵⁵. О наличии польской угрозы в отношении указанных провинций говорил перед рейхстагом еще в 1928 году тогдашний рейхсверминистр Вильгельм Грёнер. Уже в 1923 году, во время франко-бельгийской оккупации Рура – спустя пять лет после окончания войны – французский маршал Фош посетил Варшаву, договорившись с Пилсудским о так называемом «плане Фоша», предусматривавшем одновременную операцию польских вооруженных сил против Восточной Пруссии, Померании и Верхней Силезии⁵⁶.

В 1933 году, после прихода Гитлера к власти, Пилсудский зондировал в Париже по вопросу о возможности военной акции против рейха⁵⁷. Она не состоялась, вероятно, по причине отсутствия готовности Великобритании принять в ней участие. Лорд Ванситтарт, герма-

---

⁵² Ср. Uhle-Wettler, Franz: a. a.O., S. 66.

⁵³ Meinck, G.: a. a.O., S.19 и 196, Anm.6, Krupp-Prozeß, Vert. – Dok. – Buch-Krupp 2b, S.25 ff., Krupp 105.

⁵⁴ Цит. по: Meinck, G.: a. a.O., S.19, 196, Anm. 7, Krupp-Prozeß, Vert. – Dok. – Buch-Krupp 2b, S.10 f., в: Krupp 104.

⁵⁵ Meinck, G.: a. a.O., S.15 и 195, Anm.88; Рейхсканцлер Брюнинг подтверждает польские планы вторжения; ср. Brüning, Heinrich: Ein Brief, in: Deutsche Rundschau 70/ Juli 1947 года, S. 1–22.

⁵⁶ Ср. Meinck, G.: a. a.O., S.13 или 194, Anm. 78; Polnisches Generalstabswerk, S.112 ff.

⁵⁷ ADAP, Serie C, Band I, 1, Dok. Nr. 83, 120, 180; Meinck, G.: a. a.O., S.18 f. и S. 196, Anm. 5, Roos, Hans: Die «Präventivkriegspläne» Pilsudkis von 1933, в: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte 3/1955, S. 344 ff.; Rönnefarth, Helmuth/Euler, Heinrich (п/ред.): Vertrags-Ploetz. Konferenzen und Verträge (Teil II, Band 4: Neueste Zeit 1914–1959), Würzburg 1959, S. 125. ср. также: Scheil, Stefan: Logik der Mächte, Berlin 1999, S. 100–104.

нофобский «ястреб» в английском Министерстве иностранных дел, признает в своих мемуарах: Пилсудский в веймарские времена даже «дважды в году» обращался к Франции с просьбой о подстраховке нападения на Германию⁵⁸. Ванситтарт, о котором еще придется говорить, несомненно, подхватил бы эту инициативу. Факт начатого Пилсудским зондирования в указанном смысле отчетливо показывает угрозу рейху уже при внутривосточных процессах, демонстрировавших возможность определенной консолидации отношений в Германии. Напомним в этой связи также и о выступлении французского правительства против таможенного договора с Австрией.

Если поначалу с немецкой стороны имелись какие-то надежды на членство в Лиге Наций и, отсюда, военное планирование ориентировалось на «сдерживающее сопротивление», выигрывая время до тех пор, пока не заработает механизм Лиги Наций, то вскоре стало ясно, эти надежды иллюзорны. Когда японцы в 1931 году вошли в Маньчжурию, активность Лиги Наций ограничилась созданием комиссии (комиссия Литтона) для расследования конфликта.

Можно представить себе озабоченность тогдашнего рейхсканцлера Брюнинга. Что могла бы предпринять Лига Наций против возможной агрессии Франции, Польши и Чехословакии? Кто должен был бы осуществлять санкции против агрессоров, если бы они вообще были приняты? Маловероятно, чтобы Великобритания или даже Италия в таком случае сразу решились бы на экономические, тем более военные, санкции против «Малой Антанты». Судьба Абиссинии – еще один пример той «защиты», которую могла предложить странам, подвергшимся агрессии, пропагандируемая Лигой Наций так называемая «коллективная безопасность». Соединенные Штаты, упорствуя в декларативной изоляции, и без того не были в то время членом Лиги Наций.

В этом описании немецкой ситуации совсем не отражена опять-таки потенциально возможная агрессия Советского Союза. Военно-политический «horror vacui» (страх перед пустотой) выливался для отца в бессонные ночи, я знал об этом как по разговорам с ним, так и из бесед в моем присутствии между родителями и бабушкой Риббентропом. Уже упомянутое, неоднократно прозвучавшее при мне «Мы должны оптиковать!», являлось выражением неприкрытой нужды. Кто не может или не хочет понять, что политика Гитлера должна была вначале вестись с позиции крайней слабости, для того останутся скрытыми истинные мотивы его внешнеполитических акций.

---

⁵⁸ Ср. Vansittart, Robert: a. a. O., S. 412.

Дилемма

Однако вернемся к оценке военно-политической ситуации рейха в момент прихода Гитлера к власти. Генерал-лейтенант Адам излагает буквально следующее в своем меморандуме:

«В настоящее время вести войну мы не в состоянии. Мы должны сделать все, чтобы избежать ее, даже ценой дипломатических поражений. (...)

В упорной, терпеливой и тщательной работе мы должны укрепить нашу военную мощь, подготовив народ к тяжелому времени.

Но даже если нами будет сделано все возможное, чтобы избежать войны и лишить врага малейшего повода для ее развязывания, – мы не сможем предотвратить войну, если другие захотят начать ее превентивно. Бессмысленно создавать для этого случая планы операций и развертывания»⁵⁹.

В этой «отчаянной ситуации» – да будет мне позволено повториться – все говорило в пользу намерения Гитлера восстановить обороноспособность рейха путем политико-дипломатических соглашений с обеими западными державами.

Проследим за усилиями правительств Германского рейха добиться равноправия в вопросе о вооружениях, предпринятыми начиная с 1932 года, – года созыва так называемой Конференции по разоружению. Она открылась наконец в Женеве 2 февраля 1932 года, – спустя двенадцать лет после Версаля (!). Германия потребовала «за своим обезоруживанием всеобщего разоружения». Французское правительство заблокировало конференцию условиями по безопасности прежде, чем разоружение стало бы возможным. Расстались безрезультатно⁶⁰.

В августе 1932 года правительство рейха при канцлере фон Папене вновь потребовало в ноте полного военного равноправия. Нота была в резкой форме отклонена правительством Франции. Правительство Папена выступило в конце концов с «заявлением о дистанцировании». Оно означало отказ от участия в работе Женевской конференции по разоружению до тех пор, пока в прямых переговорах не будет достигнут прогресс.

Премьер-министр Великобритании Рамсей Макдональд в итоге добился, как уже упоминалось, принятия в декабре 1932 года «Соглашения пяти держав» между Германией, Францией, Италией, Великобританией и США, признававшего за рейхом военное равноправие⁶¹. Тем не менее, его практическая реализация осталась прерогативой Конференции по разоружению и, таким образом, все возвращалось на круги своя, кроме всего прочего, потому, что там переговоры блокировались французским правительством. Немецкая позиция на переговорах – с юридической точки зрения – улучшилась, равенства де-факто, однако, по-прежнему достичь не удалось.

16 марта 1933 года Макдональд представил свой план, получивший известность как «план Макдональда». В сравнении с фактическим состоянием этот план означал некоторое улучшение. Ни о каком равноправии рейха, однако, не могло идти и речи, даже, как следует из приведенных ниже важнейших аспектов плана, об обеспечении достаточной обороноспособности.

В соответствии с планом Германия могла иметь 200 000 солдат, Франция – 400 000, Польша – 200 000, Чехословакия – 100 000, Советская Россия – 500 000, Бельгия – 75 000, Италия – 250 000. Великобритания в плане не упоминалась, и, таким образом, сохраняла свободу рук вооружаться по собственному усмотрению.

---

⁵⁹ Ср. также: Meinck, G.: a. a. O., S.19.

⁶⁰ Vertrags-Plöetz: Teil II, Band 4, S.119; «Der große Plöetz», 1991, S. 863.

⁶¹ Vertrags-Plöetz: Teil II, Band 4, S.119.

Военно-воздушные силы разоруженным государствам вовсе не полагались, в то время как Франция могла иметь 500 самолетов, Польша – 200, Чехословакия – 200, Советская Россия – 500, Бельгия – 150, Италия – 500, США – 500. Также и в отношении военно-воздушных сил для Великобритании никаких ограничений не предусматривалось.

Что касается артиллерии, то планом вводились следующие правила: Германии разрешалось обзаводиться лишь орудиями калибра 115 мм, в то время как государствам, уже имевшим на вооружении орудия больших калибров, было разрешено их оставить. Следствием являлось значительное отставание Германии в области артиллерийского вооружения.

Продолжительность службы ограничивалась восемью месяцами, профессиональные армии в установленный период времени подлежали роспуску. Также и это положение было направлено в первую очередь против Германии. Она должна была бы преобразовать высококвалифицированный рейхсвер в армию краткосрочников, не имея, как все ее соседи, резервистов 15 лет и более призывных возрастов. Уже эти немногие цифры убедительно показывают, что страны-победительницы не были готовы признать достаточную обороноспособность Германии, не говоря уже о полном военном равноправии. Тем не менее, германская сторона соглашалась принять «план Макдональда» в качестве основы для переговоров. Гитлер произнес 17 мая в рейхстаге примирительную речь, «вознаграждением» от британцев явилась воинствующая, выдержанная в ультимативном тоне речь министра обороны лорда Дугласа Хейлшема, произнесенная 11 июня.

В сентябре 1933 года Великобритания и Франция существенно «ухудшили» свой собственный план – тот самый «план Макдональда». В теперешнем предложении были предусмотрены два этапа. В течение первых четырех лет должен был лишь совершиться переход от постоянных армий к милиционным; только на втором этапе избыточно вооруженные государства должны были приступить к разоружению в соответствии с британским планом. Для немецкой стороны план больше не являлся приемлемым в качестве основы для переговоров. Он ставил достижение равноправия и, вместе с тем, также восстановление обороноспособности рейха в зависимость от решений конференции, которая должна была собраться только через четыре года, и отодвигал окончательное решение вопроса сразу на восемь лет. Предложение было, впрочем, снова односторонне направлено против рейхсвера, высококвалифицированной немецкой профессиональной армии: в нем не учитывалось отсутствие каких-либо призывных возрастов, которыми государства с избытком вооружения располагали вот уже в течение 15 лет. Вновь сделать из них наскоро обученных милиционеров было невозможно.

Некоторые внутривнутриполитические компоненты также, возможно, сыграли определенную роль. Здесь стоит упомянуть, что отец с самого начала сотрудничества с Гитлером старался повлиять в положительном смысле на негативную установку последнего по отношению к Франции. Отец упоминал тогдашнего военного министра Бломберга, у которого его «профранцузская политика» всегда находила горячую поддержку. В свое время его огорчила отставка Бломберга. Отношения между внешнеполитическим руководством и руководством вооруженных сил часто складываются непросто. Французский политик Жорж Клемансо произнес однажды: «Война – слишком серьезная вещь, чтобы доверить ее военным!» Блюхер говорил о писаках! Отец, впрочем, пишет в этой связи из Нюрнберга: «Я должен здесь упомянуть, что тогдашний шеф штаба СА, Эрнст Рем, ... существенно способствовал тому, что Адольф Гитлер постепенно пересмотрел свое отрицательное отношение к Франции»⁶².

---

⁶² В лагере для интернированных Бад Айблинг на нарах подо мной лежал верховный прокурор Хаттинген, принадлежавший в Париже к кругу Эрнста Юнгера, – в письме ко мне тот назвал его «своим дорогим другом». Он сообщил о написанном тогда Юнгером сочинении под заглавием «Мир». Когда я обратился несколько лет назад к Юнгеру с просьбой предоставить в мое распоряжение текст, что он любезно исполнил, Юнгер написал мне среди прочего: «Тогда Ваш отец пригласил несколько авторов, в том числе меня и Зибурга в Фушль, ему представлялся своего рода «brain-trust» («мозговой трест»). Каждый из них мог напрямую позвонить в Министерство иностранных дел и был волен выбрать себе пост корреспондента за границей –

Старания Рема преобразовать рейхсвер в милиционную армию, тесно связанную с СА, широко известны. Я хорошо помню, как отец после событий 30 июня 1934 года высказался, что «Рем должен был состоять в связи с некой иностранной державой». Контакты Рема с французскими кругами казались неоспоримыми, поскольку и французы, и Рем при преобразовании рейхсвера в милицию преследовали идентичную цель. Во всяком случае, Рем встречался с Франсуа-Понсе, французским послом в Берлине, что бы там ни обсуждалось при этих встречах.

Тогдашний министр финансов рейха Шверин фон Кросигк сообщает: «Барту (французский министр иностранных дел) получил весной 1934 года сообщение о предстоящем в Германии системном перевороте. Источник, как и содержание, в деталях неизвестны»⁶³. Черчилль не допускал в своих мемуарах сомнения, что СА представляли сильную потенциальную, вероятно, также актуальную, угрозу для господства Гитлера. Он сообщает: Шлейхер «по неосторожности намекнул Франсуа-Понсе о предстоящем падении Гитлера. Он собирался вновь действовать таким образом, как в свое время в истории с Брюнингом (...)»⁶⁴. Ходившие слухи были известны Шлейхеру. Считанные дни перед смертью он все еще оспаривал, что обсуждал с Франсуа-Понсе что-либо, кроме личных проблем⁶⁵.

Лишение Рема власти могло, с точки зрения Гитлера, являться необходимым для консолидации внутривластных отношений в рейхе, возможно, также и в упомянутом выше смысле. Однако манера, в которой Гитлер провел и, в конечном итоге, завершил свое столкновение с Ремом, с ее лишенной правового обоснования и, кстати, неоправданной жестокостью, без сомнения, оказала длительное роковое воздействие. Она рвала с правовыми традициями. Проявившийся беспрецедентный произвол неограниченного властителя, по собственному усмотрению применявшего расстрелы, частью среди своих старых соратников, не давая возможности приговоренным лицам оправдаться, явно не подходил для установления широкого внутривластного консенсуса, требовавшегося с учетом угрожающего положения страны. Проявившаяся непредсказуемость могла обернуться большим препятствием в сфере международной политики в смысле усилий отца внушить иностранным партнерам доверие к немецкой внешнеполитической концепции.

Не надеялись ли правительства Великобритании и Франции на смену режима в Германии? Если подобные расчеты присутствовали, то не могло ли «дипломатическое поражение рейха» (генерал Адам) – как, например, сильный нажим Главного комитета Конференции по разоружению – содействовать этому перевороту или даже вызвать его? В этом случае приходится оперировать предположениями, однако полностью отвергать их не стоит. Гитлер был, во всяком случае, полон решимости не отступить под давлением большинства в Женеве и тем самым быть обвиненным в неудаче «плана Макдональда» и Конференции по разоружению. Германия покинула Лигу Наций и Конференцию по разоружению 14 октября 1933 года.

Гитлер дал интервью всемирно известным журналистам – англичанину Джорджу Уорду Прайсу, газетная империя Роттермера («Дейли Мэйл»), и французскому Фернану де Бринону, парижская «Матэн»⁶⁶, выразив свое огромное желание договориться с обеими странами о германском равноправии. Эти интервью были тогда восприняты в мире с большим вниманием. Они осуществились по инициативе отца и немало способствовали тому, чтобы шум, подняв-

---

я этим не воспользовался». Отец хотел активировать и использовать близость Юнгера к французскому культурному кругу в смысле достижения немецко-французского взаимопонимания. К сожалению, напрасно. Интересный пример отказнической позиции части интеллигентов.

⁶³ Schwerin von Krosigk, Lutz Graf: Es geschah in Deutschland, Stuttgart 1951, S. 121/122.

⁶⁴ Churchill, W.: a. a. O., S. 127.

⁶⁵ Ср. Plehwe, Friedrich-Karl von: Reichskanzler Kurt von Schleicher, Esslingen 1983, S. 300.

⁶⁶ Ср. интервью Гитлера в «Le Matin» от 22 ноября 1933 года и в «Daily Mail» (Лондон) от 5 августа 1934 года.

шийся по поводу немецкого шага – оставления Лиги Наций и Конференции по разоружению, – несколько поулегся.

Оба журналиста начиная с 1933 года неоднократно посещали нас в Далеме, де Бринон еще чаще, чем Прайс. Последний – живой, общительный человек, несмотря на строгий темно-синий костюм в полоску, который он носил большей частью, скорее непохожий на англичанина. Де Бринона отличала большая сердечность, также по отношению к нам, детям: он расхваливал наши знания французского языка, что, ввиду постоянной критики отца – тот, как известно, свободно владел французским, очень шло нам на пользу. Меня де Бринон упомянул в одной из своих книг в качестве «мальчика из Юнгфолька», поместив мою фотографию⁶⁷.

Оба журналиста выступали за большее согласие между своими странами и Германией. Соответственно открытой, даже задушевной была атмосфера их посещений у нас. Интервью, данное Гитлером де Бринону, достойно внимания, в особенности потому, что Гитлер недвусмысленно выразил в нем свою незаинтересованность в Эльзасе и Лотарингии. «Профранцузская политика» отца нуждается в разъяснении. Я обращусь поэтому к его деятельности, которой он занимался сначала неофициально, а с 1934 года – официально в качестве «особого уполномоченного по вопросам разоружения».

В уже упомянутой первой внешнеполитической беседе, которую Гитлер, став рейхсканцлером, вел с отцом в феврале 1933 года у нас в Далеме⁶⁸, отец высказал убеждение, что «немецко-британское соглашение имеет предпосылкой компромисс между Германией и Францией (...)». Тогда, как пишет отец, Гитлер с этим не согласился.

В своей аргументации отец исходил из действенности британского принципа «Balance of Power» (баланса сил), так часто упоминаемого европейского равновесия, для актуальной английской политики. Великобритания не расстанется с союзной Францией, чтобы в одиночку противостоять Германии или даже мириться с немецкими выпадами в отношении Франции. Великобритания считает рейх сильнейшей – вернее было бы, собственно, говорить о «потенциально» сильнейшей – континентальной державой, хотя к тому времени об этом не могло идти и речи. В феврале в Далеме Гитлер завершил беседу просьбой к отцу использовать деловую поездку в Париж и Лондон, чтобы прощупать настроение и мнения в политических кругах обеих столиц. Отец рассказывает:

«После длительного пребывания в Париже и Лондоне я сообщил ему (Гитлеру) снова, что, по моему мнению, лишь успокоительный жест по отношению к Франции может вызвать разрядку международного положения в благоприятном для нас смысле. Всюду в Париже спрашивали меня, что думает Адольф Гитлер о Франции. Изложенные в его книге «Майн кампф», мысли о кровной немецко-французской вражде цитировались постоянно и завершали каждый разговор о политике»⁶⁹.

Когда Гитлер в крепости Ландсберг в 1924–1925 годах писал свою книгу, французы и бельгийцы заняли Рурскую область, установив довольно-таки жесткий режим⁷⁰. Книга, естественно, должна была подготовить его «Comeback» («возвращение») в политику – отсюда он мог в то время артикулировать себя только антифранцузски. В своей книге он «заглянул», как говорят сегодня, «далеко вперед», резко отвергнув политику, нацеленную на возвращение потерянных в Версале немецких земель⁷¹. Стоит об этом вспомнить, когда речь пойдет о пред-

---

⁶⁷ Через германский Юнгфольк мальчишки от десяти до четырнадцати лет были организованы в союзе Гитлерюгенд.

⁶⁸ Ribbentrop, J. v.: a. a. O., S. 51.

⁶⁹ Ribbentrop, J. v.: a. a. O., S. 51.

⁷⁰ Ср. книгу журналиста «Таймс»: Gedye, George E. R.: The Revolver Republic, London 1930.

⁷¹ Hitler, Adolf: Mein Kampf, Ausgabe München 1943, S. 736: «Требование восстановления границ 1914 года является политическим вздором в размерах и с последствиями, которые выдают его как преступление».

ложении Польше осенью 1938 года, включавшем, что характерно, гарантию ее границ, в том числе, следовательно, и «коридора» по территории рейха.

Глава делегации французских фронтовиков, направленных отцом к Гитлеру в рамках «акций по установлению доверия», Скарпини, потерявший зрение на войне, заговорив с Гитлером об антифранцузских главах в «Майн кампф», спросил «фюрера», собирается ли тот написать теперь новую книгу. «Я опровергну книгу моей политикой!», – ответил находчиво Гитлер, акцентируя слова. Отец, в моем присутствии, с большим удовлетворением рассказал об этом матери. Поворот Гитлера к «профранцузской» политике ему вполне можно было записать в счет своих заслуг, ведь он с самого начала придерживался мнения, что «дорога в Лондон ведет через Париж», а именно в том смысле, что разделить Францию и Великобританию было бы невозможно! Гитлер тем временем понял: ему, несмотря на то, что гегемоном он считал Лондон, не удастся обойтись без Франции хотя бы только из-за добровольно выбранной зависимости французской политики от Лондона. Таким образом, на западной границе рейха не имелось территориальных проблем, плебисцит в Саарской области был предусмотрен Версальским договором. В крайнем случае, он мог бы привести лишь к временным неурядицам.

26 января 1934 года Гитлер заключил с Польшей пакт о ненападении. Престарелый маршал Пилсудский не смог в истекшем году договориться о поддержке западными державами планировавшейся агрессии против Германии и являлся «человеком или – или», как его характеризует печалющийся об упущенном случае Роберт Ванситтарт в своих воспоминаниях⁷². Он отдавал себе отчет в положении своей страны, в известном смысле сравнимом с положением Германского рейха. Польша, вклинившаяся между двумя могущественными соседями, находилась скорее под еще большей угрозой. Основой польской политики являлся союз с Францией, обращавшей внимание в первую очередь на западного соседа Польши, Германский рейх. Союз с Францией в соединении с «Малой Антантой» был призван нейтрализовать при случае рейх. Вторым краеугольным камнем польской политики было – в 1934 году далеко небезосновательное – допущение, что противоположность между национал-социалистической Германией и большевистской Россией останется непреодолимой. Отсюда в глазах польского правительства возникало состояние равновесия в Восточной Европе, сулившее полякам безопасность, приумноженную в 1932 году заключением польско-советского пакта о ненападении. Пакт о ненападении с рейхом мог только укрепить эту безопасность, к тому же он ничего не стоил, так как Пилсудский имел за плечами многолетний опыт тщетности усилий добиться политической поддержки агрессии против Германии. Гитлер, со своей стороны, мог надеяться облегчить этим соглашением французскому правительству решение пойти на разумные уступки в вопросе о равноправии. Здесь стоит упомянуть, что консервативные круги, близкие к Бюлову, государственному секретарю в Министерстве иностранных дел, выступали против соглашения с Польшей⁷³. Придется еще вспомнить об этом при оценке более поздних действий «консервативной» конспирации против пропольской политики немецкого правительства в 1938–1939 годы.

Мы, дети, проводили летние каникулы в Бюзуме. Мать посетила нас. Ее пребывание должно было стать особенно интересным для меня. Она получила сообщение: отец, возвращаясь самолетом из Лондона, приземлится в Гамбурге. Желая провести несколько дней с нами в Бюзуме, он просил, чтобы его забрали оттуда. Мать взяла меня с собой в машине в Гамбург, чтобы встретить отца в отеле «Атлантик». В пути она дала мне понять: отцовская поездка во Францию и Англию была вызвана, главным образом, политическими причинами. Он должен был неофициально прозондировать, какие возможности имеются для достижения компро-

---

⁷² Vansittart, Robert: a. a. O., S. 412.

⁷³ Gesandter a. D. Dr. Paul Karl Schmidt (Presse): Ribbentrops Reise nach Warschau Ende Januar 1939, Hamburg 1963, S. 6; Ausarbeitung für das Auswärtige Amt (Bonn) – манускрипт, находящийся у автора.

мисса в вопросе равноправия между Германией, с одной стороны, и Великобританией и Францией, с другой.

Речь шла о возвращении из поездки, о которой отец с Гитлером говорили в Далеме в феврале 1933 года. Тогда, во всяком случае, в пути из Гамбурга в Бюзум, занимавшем в то время несколько часов, он с оптимизмом отзывался о проведенных в обеих странах беседах в том, что касалось шансов добиться равноправия путем переговоров с Великобританией – и, вместе с тем, вероятно, также и с Францией. Так для меня начала постепенно раскрываться проблематика, лежащая в основе немецкого стремления к равноправию. Политической целью являлось настоящее примирение на равноправной основе. Это значило для меня, двенадцатилетнего мальчишки, определенную ломку взглядов, так как в моих книгах о Первой мировой войне и «Версальском договоре» «врагами» всегда выступали, естественно, Франция и Англия.

С другой стороны, однако, воля к взаимопониманию в отношении к Англии и Франции не была для нас, детей, чем-то совершенно новым в нашей жизни. Три года у нас была французская гувернантка. Чувствуя себя связанной, благодаря судетской матери-немке, с обеими культурами, она, будучи, в принципе, пацифисткой, выступала за взаимопонимание между народами. В родительском доме вращались в 1920-е годы много иностранцев и дипломатов. Родители имели очевидную склонность как к Франции, так и к Англии. Отец говорил на обоих языках без ошибок и, по крайней мере по-английски, без акцента. До Первой мировой войны он жил время от времени в Швейцарии, учился в Гренобле и, в связи с коммерческой деятельностью, провел много лет в Англии и Канаде с промежуточной остановкой в США. Как французский, так и английский стили жизни нравились обоим родителям. Мать долгие годы имела в Висбадене милую английскую гувернантку, сохранившую до самой смерти в 1950-е годы верность нашей семье и в счастье и в беде. Деловые связи отца в обеих странах, которые он завел после мировой войны, были связями в кругах, определявших там также и политику. Всегда интересовавшийся политикой, он стал глубоким знатоком политической сцены в Париже и Лондоне. Опыт, приобретенный за десять и более лет тесных коммерческих связей, прямо-таки идеально подходил для поручения провести зондаж.

Привожу здесь небольшое личное воспоминание для характеристики извечного присутствия политики в нашем доме в Далеме. Должно быть, в 1930 году родители получили в подарок от одного из французских друзей-единомышленников настольную игру с фишками, которая должна была сделать наглядным уже для детей экономический абсурд европейских таможенных барьеров. Она начиналась с очень большим количеством игровых денег; выигрывал тот, кто наилучшим образом преодолевал таможенные барьеры и у кого, таким образом, в конце оставалось больше денег, чем у остальных. Уплачиваемые таможенные сборы исчезали в большом горшке. Мы часто играли в нее с «мадемуазель», как мы называли нашу французскую гувернантку. Лишь примерно 70 лет спустя «игра» обернулась реальностью!

Оглядываясь на прошлое, скажу, что политическая атмосфера в родительском доме характеризовалась пониманием необходимости прийти к соглашению с обеими западноевропейскими державами. Это приказывал разум, чувство желало этого! «Равноправие» выступало предпосылкой как раз для того, чтобы согласие могло стать прочным.

Неофициальная деятельность отца соответствовала неофициальному статусу его гостей. Два англичанина стоят так отчетливо перед моим умственным взором, как если бы я расстался с ними вчера. Они часто бывали у нас в гостях, мистер Теннант и профессор Конвелл-Эванс.

На Эрнеста Теннанта мы смотрели с тайным восхищением – высокий грузный шотландец рассказал отцу: он был одним из, пожалуй, считанных людей, которые тяжелоранеными побывали в лапах льва и могли быть спасены. Собаки отвлекли хищника, так что его смогли подобрать. Однако с этим он еще несколько не ускользнул бы от смерти. Опасность в ранах, нанесенных львиными когтями – они разорвали ему грудь, – заключается в трупном яде, образующемся в остающихся на когтях гниющих остатках мяса последней добычи. От этой смер-

тельной опасности его спасли кристаллы или соль, которую местный знахарь втер в раны. Отец слегка посмеивался над шотландской бережливостью Теннанта, подтверждавшей, казалось, клише скопидомного шотландца: в сомнительных случаях платить, с его позволения, приходилось отцу.

Теннант путешествовал по свету и собирал бабочек. Он был богат и независим. Как многие англичане с международными связями он предоставил себя в распоряжение *Интеллидженс Сервис* – в этом случае в качестве контакта к отцу. Родители разъяснили мне, что немало англичан за границей сотрудничают с секретной службой, поскольку это воспринимается как естественный долг по отношению к своей стране – установка, редко встречающаяся в Германии. Мои родители сожалели об этом, признавая, однако, что немецкие профессиональные дипломаты не слишком побуждают земляков с международными связями предоставлять в распоряжение «службе» свои знания, наблюдения и связи. Отец полагал, как раз торговые агенты, журналисты, ученые и т. д. зачастую располагают лучшим знанием страны пребывания и ее отношений, чем карьерные дипломаты, задерживающиеся, кроме всего прочего, «на должности» в стране, где они были аккредитованы, всегда лишь относительно короткое время. Впрочем, представители экономики жаловались уже тогда на недостаточную поддержку их экспортных усилий дипломатическими филиалами рейха за границей.

Другой англичанин, Томас П. Конвелл-Эванс, называл себя «профессором», так как был приглашен на гостевую профессию в Кенигсбергском университете в Восточной Пруссии. Внешне – довольный, подвижный и любезный человек, свободно говоривший по-немецки. Его научной специальностью была, насколько помню, английская литература. Эта «крыша», как называют «деятельность под прикрытием» в разведывательных службах, позволяла ему вступать в самые различные контакты повсюду на свете и активировать их в интересе его страны. По оценке отца, Конвелл-Эванс занимал сравнительно высокий ранг в *Интеллидженс Сервис*⁷⁴. Мы, дети, легче находили контакт с ним, чем со сдержанным шотландцем. В Лондоне он часто появлялся в посольстве.

Лучше всего мы ладили с де Бриноном, так как он не обходил нас вниманием и занимался с нами. После 1940 года он стал послом правительства Виши в Германии. Для Франции это был хороший выбор, так как продолжительный тесный контакт с отцом обеспечивал де Бринону наилучшие возможности эффективно представлять интересы своей страны перед германским правительством. Вслед за «*Libération*» его ожидала на родине расстрельная команда. Отец пишет о нем:

«Характерным было замечание, сделанное мне послом де Бриноном в день встречи в Монтуар: “Мы не проиграли войны. Мы всего лишь не хотели драться!”».

С назначением отца «особым уполномоченным по вопросам разоружения» гостей у нас прибавилось. Прославленного автора передовиц изданий Ротермера, Уорда Прайса, я уже упоминал. Теперь появился Ротермер собственной персоной. Он вел себя, как невозмутимый и достойный представитель империи. Лорд Ротермер и лорд Лотиан, обоих я хорошо помню, являлись, среди прочих, партнерами отца по переговорам в ходе широко задуманной попытки поставить германо-английские отношения на более доверительную основу. Пресса Ротермера проявляла в этом смысле активность. Совсем другим типом был лорд Ллойд, производивший, как мне помнится, жесткое впечатление. В то время он еще не выглядел агрессивным противником Германии, каким показал себя позже. Любопытно было бы узнать, что должен был думать лорд Лотиан, когда ему, как британскому послу в Вашингтоне во время войны, при-

---

⁷⁴ См. также: Colvin, Ian: *Admiral Canaris – Chef des Geheimdienstes*, Wien 1955 (первое английское издание: *Chief of Intelligence*, London 1951, также New York 1952, под заглавием «*Master spy*»).

шло, с подачи Черчилля, заняться распродажей Британской империи. Каковы были ощущения британского «ястреба» лорда Ллойда, пропагандировавшего войну против Германии, когда он во время войны протестовал перед Черчиллем против бесцеремонности, с которой правительство Рузвельта принуждало британцев расставаться с капиталовложениями за границей, чтобы оплачивать американские поставки?⁷⁵

Многие иностранные посетители в Далеме искали контакт с отцом, новым актером на дипломатической сцене, о котором быстро разошлись слухи, что он, в известном смысле, являлся доверенным человеком Гитлера! Желали выяснить, что он может предложить и как нужно оценивать политику Гитлера. Отец понимал свою роль, без усталости предлагая соглашение. Беседы в Далеме подтверждали немецкое желание договориться с Великобританией и Францией в самом широком смысле.

Однако самым впечатляющим из гостей того времени в Далеме являлся для нас, детей, Жорж Скарпини, потерявший на войне зрение председатель французского объединения ветеранов. Достоинство, с которым этот человек сносил удар судьбы, впечатляло, как и его неподдельное стремление предотвратить повтор тех событий, которые лишили его зрения. Он был очень мил с нами, детьми. Забавна также история о том, как моя сестра Бетина пыталась объяснить ему звук токования глухаря. Ее французский язык не был достаточен для этого, так что в конце концов она сказала Скарпини: «C'est un oiseau qui crie toujours je t'aime, je t'aime». Скарпини веселился от души, он, конечно же, сразу понял, какую птицу имела в виду тринадцатилетняя девчонка. По окончании западной кампании Скарпини, согласно указанию отца, был предоставлен дипломатический статус и организация в Германии для осуществления центрального руководства уходом за французскими военнопленными. Отец продолжал также и после победы над Францией политику согласия, ему пришлось, однако, при ее осуществлении столкнуться с большими трудностями; их добавляла грызнья по поводу сфер влияния в Третьем рейхе, естественно, в высшей степени негативно сказывавшаяся на оккупированной территории Франции.

Позиция отца в качестве «особого уполномоченного по вопросам разоружения» являлась типичной для Третьего рейха или, вернее, для Гитлера конструкцией. Как уже упоминалось, отец не подчинялся Министерству иностранных дел. Он располагал вследствие этого, с одной стороны, большей свободой действий, с другой стороны, однако, в его распоряжении не имелось возможностей министерства. Он был вынужден создать собственную организацию, так называемый «аппарат Риббентропа». Согласно указанию главы правительства, отец затребовал от имперского министерства финансов бюджет для нее. Кратко упомяну в этой связи фантастические рассказы Райнхарда Шпици⁷⁶ о финансировании «аппарата Риббентропа» – они так же недостоверны, как и его изложение политических событий в то короткое время, что он работал у отца.

Я уже упоминал, отец со своей небольшой организацией развил интенсивную деятельность по проведению, пользуясь современным языком, «мероприятий по укреплению доверия». Совместно с английскими и французскими друзьями были основаны, соответственно, «германо-английское» и «германо-французское» общества, в них входили влиятельные в этих странах персоны. Сэр Роберт Ванситтарт также являлся членом германо-английского общества. Задним числом приходится сомневаться в том, имелись ли у сэра Роберта, когда он к нему присоединился, искренние намерения в духе целевой установки общества; однако в качестве постоянного помощника госсекретаря в Форин офис он не мог быть обойден. «Аппа-

---

⁷⁵ Ср. Charmley, John: Churchill. Das Ende einer Legende, Berlin 1995, S. 472.

⁷⁶ Райнхард Шпици был до 1938 года секретарем моего отца. Он собирался жениться на молодой даме из английского света, поэтому, по тогдашним правилам, ему пришлось покинуть дипломатическую службу. В то время предполагали, что связь со стороны дамы возникла по соображениям разведывательного характера, так как она окончила ее, как только Шпици уволился со службы.

рат Риббентропа» организовывал, что вовсе не радовало французского посла Франсуа-Понсе, встречи ветеранов войны из трех стран.

Работа «аппарата Риббентропа», однако, не ограничивалась способствованием достижению «благоприятной атмосферы»; речь шла о получении конкретных результатов. Проблема вооружения, в формулировке «немецкое равноправие», должна была, принимая во внимание угрожающее положение рейха, быть каким-то образом решена, будь то всеобщее разоружение или признание восстановления обороноспособности рейха. Контакты отца в Париже должны были способствовать организации встречи Гитлера с французским премьер-министром Эдуардом Даладье. Отец пишет об этом:

«Чтобы использовать благоприятную с обеих сторон атмосферу (после знаменитого интервью Гитлера де Бринону с недвусмысленным отказом от Эльзаса и Лотарингии), я спросил вскоре после него Адольфа Гитлера, готов ли он встретиться с французским премьер-министром Даладье. От друзей в Париже я слышал, что господин Даладье был бы не против такой встречи. Фюрер дал согласие на конфиденциальное неформальное свидание. Местом для него был выбран охотничий домик в Оденвальде. Я поехал в Париж в твердой надежде осуществить его и сделать тем самым следующий шаг в направлении улучшения взаимопонимания и сближения между обеими странами – цель, ради которой я уже с 1919 года трудился в рамках своих возможностей.

В Париже я встретил господина Даладье на квартире одного друга к завтраку (обеду) ... Председатель совета министров заявил мне прямо с порога: «Я не могу прибыть, я нахожусь в системе, не позволяющей мне передвигаться так же свободно, как это может господин Гитлер»⁷⁷.

Этот отказ явился для Гитлера и отца больше, чем просто разочарованием, это был еще один симптом недостающей готовности решить проблемы путем переговоров, доказательство французской замкнутости в отношении немецкого желания к достижению взаимопонимания.

Немецкое правительство, не падая духом, пыталось и дальше достичь успехов в непосредственных переговорах. Проблема обороноспособности рейха должна была быть рано или поздно разрешена. Совещание отца со Стэнли Болдуином, в то время являвшимся Lord President of the Council (приблизительно: Председателем Тайного совета), министром иностранных дел Джоном Саймоном и премьером Рамсеем Макдональдом имело следствием речь Болдуина в Палате общин, в которой он предложил компромисс где-то посередине между вооруженными и разоруженными государствами. Отец пишет, тогда это было больше, чем он ожидал бы, разумеется, в Париже этой речью были меньше довольны⁷⁸

---

⁷⁷ Ribbentrop, J. v.: a. a.O., S. 52f.

⁷⁸ Ibid, S. 56f.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.